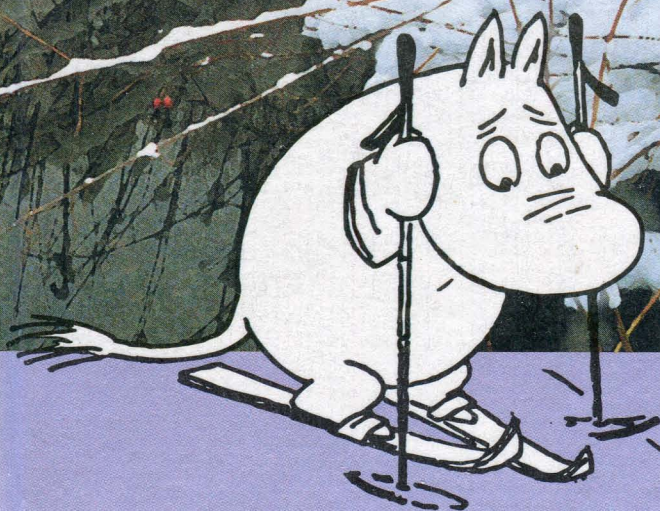

ТУВЕ
ЯНССОН
ВОЛШЕБНАЯ
ЗИМА

ТУВЕ ЯНССОН

Волшебная зима

**ТУВЕ
ЯНССОН**

БОЛШЕБНАЯ
ЗИМА

ДОЧЬ
СКУЛЬПТОРА

Туве Янссон

Волшебная зима

Дочь скульптора

Иллюстрации
автора

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
1998

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
Я 65

Оформление Вадима Пожидаева

TROLLVINTER © TOVE JANSSON
First published (1957) by Schildts Förlag, Finland
All rights reserved

Издатель выражает благодарность
Schildts Förlags AB, Finland

Янссон Т.

Я 65 Волшебная зима: Повесть-сказка. Дочь скульптора:
Автобиографическая повесть / Пер. со швед. Л. Брауде.
— СПб.: Азбука, 1998. — 224 с.

ISBN 5-7684-0636-0

ISBN 951-50-0559-0 (фин.)

Мы продолжаем наше путешествие в сказочную страну, населенную прелестными существами муми-троллями. Мы узнаем, почему зима оказалась волшебной и как надо вести себя в этом случае.

ISBN 5-7684-0636-0
ISBN 951-50-0559-0 (фин.)

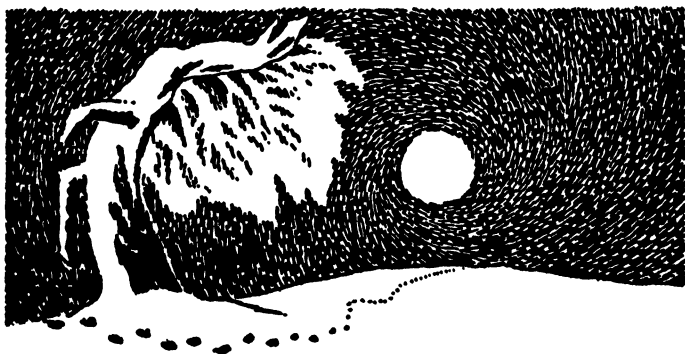
© Л. Брауде, перевод, 1998
© «Азбука» — «Терра»,
русское издание, 1998

ВОЛШЕБНАЯ ЗИМА

Долина
Муми-троллей
зимой

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Дом, занесенный снегом

Небо было почти черным, а снег при свете луны — ярко-голубым.

Под ледяным покровом неподвижно спало море, а глубоко в земле, среди древесных корней, всем мелким зверюшкам и насекомым снилась весна. Но до весны было еще очень далеко — новый год только-только вступил в свои права.

На том самом месте, где долина мягко начинала подниматься в гору, стоял утонувший в снегу дом. Он напоминал причудливый снежный сугроб и выглядел очень одиноким. Совсем рядом, среди обледенелых берегов, извивалась черная

как уголь река: быстрое течение не позволяло ей замерзнуть зимой. На мосту же не видно было никаких следов, да и вокруг дома лежали никем не тронутые снежные сугробы.

В доме было тепло. В подвальной печи медленно горел торф. Пробивавшийся в окошко лунный свет освещал белые чехлы, которыми на зиму закрыли мебель, и укутанную тюлем хрустальную люстру. А в гостиной, возле самой большой, какая только была в доме, изразцовой печи, все семейство муми-троллей спало долгим зимним сном.

Они всегда погружались в спячку с ноября до апреля, потому что так уж повелось со времен их предков, а муми-тролли придерживаются семейных традиций. У всех у них, как и у предков, животы были набиты еловой хвоей; а рядом с кроватями в ожидании ранней весны муми-тролли сложили все, что может понадобится, когда они проснутся: лопаты, солнечные очки, киноплёнки, анемометры* и тому подобные вещи первой необходимости.

* Измерители силы ветра.

Тишина и покой были полны ожидания.

Порой кто-то вздыхал во сне и, свернувшись клубочком, еще глубже зарывался в свою перину.

Луч луны, блуждая по гостиной от кресла-качалки к столу, переполз через медные шары, украшавшие спинку кровати, и ударил Муми-тролля прямо в лицо.

А потом произошло нечто неслыханное, не случавшееся никогда с тех самых пор, как первый муми-троль погрузился в зимнюю спячку. Маленький Муми-троль проснулся и заснуть уже больше не мог.

Он взглянул на лунный свет, на ледяные узоры на оконном стекле. Муми-троль услышал, как внизу, в подвале, что-то бормочет печь, — с малыша все больше и больше слетал сон, и он все сильнее и сильнее удивлялся тому, что происходит. В конце концов он встал и едва слышными шагами подкрался к маминой кровати. Он осторожно потянул ее за ухо, но она не проснулась, а свернулась таким безразличным ко всему клубочком.

«Если уж мама не просыпается, других и подавно не разбудишь», — подумал

Муми-троль. Неслышно побрел он по такому нужному и таинственному теперь дому. Все часы давным-давно остано-

лись, и повсюду лежал тонкий слой пыли. На столе в гостиной стояла с осени суповая миска, а в ней — остатки еловых иголок. Наверху, под потолком, в своем тюлевом одеянии тихонько позвякивала хрустальная люстра.

Внезапно Муми-тролль остановился в теплом сумрачном углу, куда не проникал лунный свет, и ему стало страшно. Он вдруг почувствовал себя ужасно одиноким и покинутым.

— Мама! Проснись! — закричал Муми-тролль и потянул ее одеяло.

Весь мир исчез!

Но мама не просыпалась. Сны, в которых ей снилось лето, стали чуть беспокойнее и грустнее, но проснуться она так и не смогла. Муми-тролль свернулся калачиком на коврике рядом с ее кроватью. На дворе по-прежнему стояла долгая зимняя ночь.

Когда рассвело, тяжелый снежный сугроб на крыше вдруг зашевелился. Он все сползал и сползал вниз, а потом решительно съехал с края крыши и мягко шлепнулся на землю.

Теперь все окна были погребены под снегом и лишь слабая полоска света просачивалась в дом сквозь ледяные узоры на стеклах. Гостиная больше чем когда-либо казалась какой-то неправдоподобной, словно она притаилась глубоко внизу, под землей.

Муми-тролль долго прислушивался, наострив уши, потом зажег ночник и бесшумно подкрался к комоду, чтобы прочитать весеннее письмо Снусмумрика. Оно лежало на своем обычном месте, под трамвайчиком из пенки, той самой, из которой делают трубки. Письмо это как две капли воды было похоже на все остальные весенние письма Снусмумрика. Он оставлял их Муми-троллю каждый год, отправляясь в октябре на юг.

Наверху большими круглыми буквами было написано: «Привет!» Само же письмо было кратким:

«Спи спокойно и не горюй. В первый же теплый весенний день я вернусь к тебе. Жди меня, будем вместе строить запруды.

Снусмумрик».

Муми-тролль много раз перечитал письмо, пока не почувствовал, что проголодался.

Он пошел на кухню. Кухня тоже находилась глубоко, на много миль под землей, и там было необыкновенно чисто, прибрано и пусто. В кладовке было тоже хоть шаром покати. Муми-тролль нашел лишь бутылку брусничного сока, который уже начал бродить, и полпакета запыленных хрустящих хлебцев.

Муми-тролль уселся под столом и, перечитывая письмо Снусмумрика, принялся за еду.

Потом он лег на спину и посмотрел на квадратные деревянные чурбачки под столешницей. Стояла глубокая тишина.

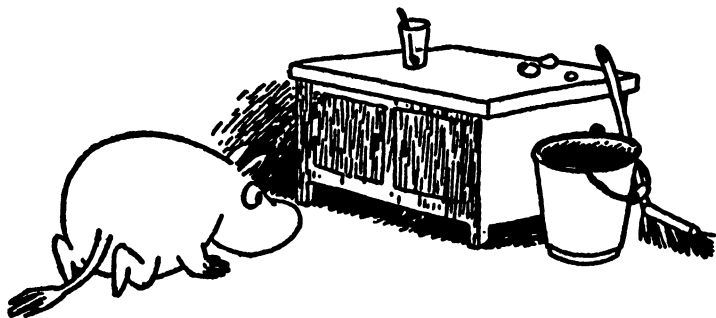
— «Привет!» — прошептал вдруг Муми-тролль первую строчку из письма Снусмумрика и дальше стал читать наизусть: — «Спи спокойно и не горюй. В первый же теплый весенний день...» — Тут он чуть повысил голос и вдруг запел во все горло: «Я вернусь к тебе! Я вернусь к тебе! И наступит весна, и будет тепло, и я вернусь к тебе, и к тебе вернусь я... к тебе... и навсегда-навсегда-навсегда!..»

Тут Муми-тролль внезапно смолк, пронзенный взглядом крошечных глазок, уставившихся на него из-под кухонного столика.

Он тоже уставился на эти глазки. В кухне по-прежнему стояла тишина. Потом глазки исчезли.

— погоди! — испуганно воскликнул Муми-тролль.

Он подполз к столику и тихонько поманил того, кто только что смотрел на него:

— Выходи, выходи. Не бойся! Я добрый. Вернись...

Но тот, кто жил под кухонным столиком, не возвращался. Муми-тролль разложил на полу несколько ломтиков хрус-

тящего хлеба и налил немного брусничного сока в блюдечко.

Когда он потом снова вернулся в гостиную, хрусталики на потолке грустно позвякивали.

— Ну, я пошел! — сурово сказал Муми-троль хрустальной люстре. — Вы все мне надоели, и я иду на юг, чтобы встретиться со Снусмумриком.

Повизгивая, Муми-троль стал бегать от окна к окну, но и там все тоже крепко-накрепко примерзло. Тогда Муми-троль бросился на чердак, распахнул слуховое окошко и вылез на крышу.

Волна холодного воздуха обдала Муми-тролля, да так, что дух захватило. Поскользнувшись, он скатился с крыши и, беспомощно барахтаясь, въехал в новый, опасный мир и впервые в жизни глубоко окунулся в снежный сугроб. Что-то неприятно кольнуло его бархатную шкурку, а нос его тут же почуял какой-то новый запах. Запах был более резкий, нежели все знакомые ему прежние запахи, и чуть-чуть отпугивающий. Но именно он заставил его окончательно проснуться и пробудил интерес к окружающему.

Сероватый полумрак густой пеленой затянул долину. Но сама долина была не зеленой, как прежде, а белой. Все застыло там, стало неподвижным и сонным. Белый покров сгладил все углы и неровности.

— Это снег, — прошептал Муми-тролль. — Мама слыхала рассказы про него, и он так и называется — снег.

Между тем, хотя сам Муми-тролль даже не подозревал об этом, его бархатная шкурка решила превратиться в шубку, которая может понадобится зимой. Правда, на то, чтобы отрастить шерстку, уйдет немало времени, но решение было принято. (И на том спасибо.)

С трудом пробираясь сквозь снежные сугробы, Муми-тролль подошел к реке. Той самой прозрачной речушке, что так весело бежала летом по саду семьи муми-троллей. Но теперь она казалась совсем иной — черной и равнодушной. Река тоже принадлежала к тому новому миру, где Муми-тролль чувствовал себя чужим.

На всякий случай он взглянул на мост, перекинутый через реку, и на почтовый

ящик. И мост и почтовый ящик ничуть не изменились. Муми-троль слегка приподнял крышку ящика, но там никаких писем не было, он обнаружил лишь увядшие листья, на которых ничего не было написано.

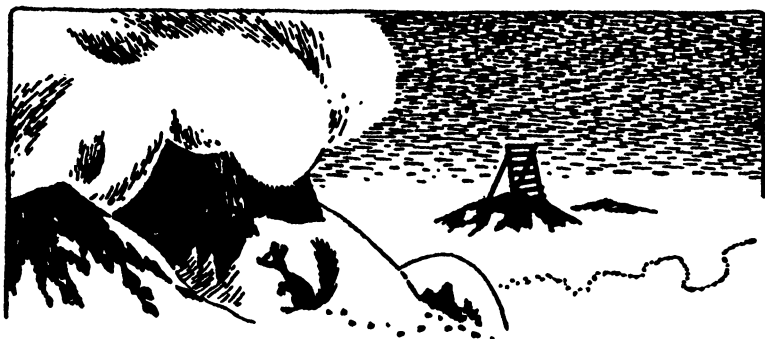
Муми-троль уже привык к запаху зимы, и этот запах не казался ему каким-то особенным.

Муми-троль взглянул на куст жасмина — сплошное сплетение голых веток — и с ужасом подумал: «Жасмин умер. Весь мир умер, пока я спал. Этот мир принадлежит кому-то другому, кого

я не знаю. Быть может, Морре. Он не создан для того, чтобы в нем жили муми-тролли».

Мгновение Муми-тролль колебался. Но потом подумал, что бодрствовать одному среди тех, кто спит, еще хуже, и, осторожно ступая, проложил первые следы на заснеженном мосту и дальше вверх по склону. Следы были очень маленькие, но твердые и вели, плутая между деревьями, прямо на юг.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Заколдованная купальня

По берегу моря, чуть подальше к западу, бестолково скакал туда-сюда по снегу маленький бельчонок. Он был ужасно неразумный и в мыслях своих любил называть себя «бельчонком с хорошеньким хвостиком».

А вообще-то он никогда подолгу ни о чем не задумывался. Чаще всего он обходился тем, что чувствовал или ощущал. Вот и сейчас он как раз почувствовал, что матрасик в его дупле стал совсем жесткий, и выскочил из дупла поискать новый.

Время от времени, боясь забыть, что он ищет, бельчонок бормотал про себя:

— Матрасик...

Бельчонок был такой забывчивый!

Он прыгал между деревьями, выскакивал на лед, задумываясь, тыкался мордочкой в снег, глядел в небо, потряхивая головкой, и снова прыгал дальше.

В конце концов бельчонок очутился возле пещеры и быстренько шмыгнул туда. Забравшись так далеко, он совершенно забыл про матрасик. Вместо того чтобы раздобыть себе свежую подстилку, он уселся на свой хвостик и начал думать о том, что его, кроме того, вполне могли бы величать «бельчонком с хорошенькими усиками».

Глубоко в сугробе, прикрывавшем вход в пещеру, кто-то постелил солому. На соломе стояла большая картонная коробка с отверстием для воздуха в крышке.

«Вот чудно! — удивился бельчонок. — Прежде этой картонки здесь не было. Должно быть, тут какая-то ошибка. А может, это совсем не та пещера? А я, может, тоже не тот самый бельчонок, хотя мне не хотелось бы этому верить».

Он расковырял уголок крышки и просунул голову в картонную коробку.

Внутри, в тепле, лежало что-то очень мягкое и приятное. И бельчонок вспомнил вдруг про свой матрасик. Его мелкие острые зубки прокусили дырку в этом мягком и вытащили из картонки клочок шерсти.

Он вытаскивал один клочок шерсти за другим; у него накопилась уже целая охапка шерсти, а он по-прежнему прилежно работал всеми четырьмя лапками. Бельчонок был очень доволен — у него будет новый матрасик!

И вдруг он почувствовал, что кто-то пытается укусить его лапку. Бельчонок мгновенно отдернул ее и, с минуту колебавшись, решил не пугаться, а лучше разведать, что там такое.

Мало-помалу из отверстия в крышке показали взъерошенные волосы и злое личико малышки Мю.

— Ты в своем уме?! — воскликнула она.

— Не знаю, — ответил бельчонок.

— Ты разбудил меня, — строго продолжала малышка Мю, — и съел мой спальный мешок. Как это случилось?

Но бельчонок так разволновался, что опять забыл, зачем он это сделал.

Малышка Мю фыркнула и вылезла из картонки. Прикрыв крышкой спящую в картонке сестру Дочь Мюмлы, она потрогала снег рукой.

— Так вот ты какой! — воскликнула она. — Чего только не придумают!

Она тут же слепила снежок и метко бросила его в бельчонка, после чего вышла из пещеры, чтобы стать полновластной хозяйкой зимы.

Первое, что она сделала, это поскользнулась на обледенелой горке и довольно сильно ударилась.

— Вот как! Вот как оно бывает, — рассердилась она. Но тут вдруг подумала о том, до чего смешно она, малышка Мю, выглядит с задранными кверху ногами, и долго хохотала. Потом взглянула на горку, немного поразмышляла и, вос-

кликнув «Ага!», съехала на хвостике с горки вниз, подсакивая и хохоча и уносясь далеко-далеко по блестящему скользкому льду.

Она скатилась с горки целых шесть раз и только тогда заметила, что у нее замерз животик.

Тогда малышка Мю снова пошла в пещеру и вытащила из картонной коробки спящую сестру. Мю наверняка никогда прежде не видела санки, но догадывалась, что они вполне могут получиться из картонной коробки.

Что же касается бельчонка, то он сидел в лесной чаще и рассеянно поглядывал то на одно дерево, то на другое.

Он не мог, даже если бы пришлось пожертвовать своим хвостиком, вспомнить, в дупле какого дерева он жил и вообще ради чего он прискакал в лес и что там искал.

Муми-тролль еще совсем недалеко ушел от дома, а под деревьями уже начала сгущаться мгла.

С каждым шагом лапы его все глубже увязали в снежных сугробах, а снег уже не казался ему таким занятным, как раньше.

В лесу царила мертвая тишина. Не видно было ни души. Время от времени с ветвей срывались снежные шапки. Качнувшись на миг, ветви вновь замирали, и в лесу опять становилось безжизненно и тихо.

«Весь мир погрузился в зимнюю спячку, — подумал Муми-тролль. — Один я тут брожу и никак не могу заснуть. Я один буду брести и брести без конца все дни и все недели напролет, пока сам не превращусь в сугроб, о котором никто даже знать не знает».

Но вот лес кончился, и внизу, под ногами Муми-тролля, открылась новая долина. По другую сторону он увидел Одинокие горы. Словно волны устреми-

лись гребни гор — один за другим — к югу, и никогда еще не казались эти горы такими пустынными.

Только теперь Муми-тролль начал мерзнуть по-настоящему. Вечерняя мгла напозала из ущелья и медленно взбиралась на оцепеневшие от холода гребни гор. Там, наверху, словно острые белые зубы на черной скале, лежал снег. И повсюду, насколько видел глаз, лишь белое да черное, пустота да одиночество.

— Там, за горами, Снусмумрик, — сказал самому себе Муми-тролль. — Где-то на юге он ест апельсины. Если бы я был уверен, что он знает, как я ради него собираюсь перевалить через горы, — я бы решился на такой шаг. А иначе ничего у меня не выйдет.

И, повернувшись, Муми-тролль начал медленно, по своим собственным следам, двигаться назад.

«Я заведу все часы в доме, — подумал он. — Тогда, *быть может*, весна придет поскорее. А потом бывает ведь и так, что, если нечаянно разобьешь какую-нибудь крупную вещь, кто-то проснется».

Но он знал, что никто из его семейства не проснется.

Внезапно что-то случилось. Какой-то маленький след пересекал следы Муми-тролля. Некоторое время Муми-тролль тихонько разглядывал чужой след. Кто-то живой осторожно крался по лесу, быть может, всего каких-нибудь полчаса тому назад. И уйти далеко чужак не мог. Он шел в сторону долины Муми-дален и был, должно быть, меньше самого Муми-тролля. Лапки чужака слегка погружались в снег.

Муми-тролля кинуло в жар.

— Подожди, — закричал он, чувствуя, что весь горит: от кончика хвоста до ушей. — Не уходи от меня!

Хныча и спотыкаясь, побрел Муми-тролль по снежному полю, и внезапно на него нахлынул жуткий страх перед мраком и одиночеством. Страх этот, должно быть, таился где-то с тех самых пор, как он проснулся в спящем доме, но теперь Муми-тролль дал ему волю.

Он больше не кричал, боясь ничего не услышать в ответ. Не отрывая мордочку от следа, который едва виднелся в тем-

ноте, и непрестанно всхлипывая, Муми-тролль полз и полз по снегу. И вдруг увидел огонек. Совсем маленький, он озарял все вокруг мягким красноватым светом.

Муми-тролль сразу успокоился и, забыв про следы, медленно пошел на свет. Он шел, пока не добрал до самого огонька и не увидел, что это горит самая обыкновенная стеариновая свеча. Она была глубоко и надежно воткнута в снег, а рядом с ней возвышалась остроконечная крыша домика, сложенная из круглых снежков, прозрачных и красновато-желтоватых, как абажур ночника в доме муми-троллей.

Неподалеку от этой необычной лампы кто-то лежал, глубоко зарывшись в снег, и, глядя в суровое зимнее небо, тихонечко насвистывал.

— Что это за песенка? — спросил Муми-тролль.

— Это песенка обо мне, — ответили из ямки. — Песенка про Туу-тики, которая сложила из снежков снежный фонарь, но в припеве говорится совсем о другом.

— Понятно, — сказал Муми-тролль и сел прямо в снег.

— Ничего тебе не понятно, — дружелюбно произнесла Туу-тики и высунулась из ямки, так что стала видна ее куртка в красно-белую полоску. — Потому что в припеве говорится как раз о том, чего нельзя понять. А я думаю сейчас о северном сиянии. Неизвестно, есть оно на самом деле или это одна видимость. Все очень неопределенно, и это-то меня и успокаивает.

Туу-тики снова нырнула в свою ямку и продолжала глядеть в небо, успевшее за это время стать совсем черным.

Муми-троль поднял мордочку кверху и увидел северное сияние, которого никогда прежде до него не видел ни один муми-троль. Оно было бело-голубым и чуть-чуть зеленоватым и, казалось, об-

рамляло небо длинными, колыхавшимися на ветру занавесками.

— Я думаю, северное сияние есть на самом деле, — сказал Муми-тролль.

Туу-тики не ответила. Она подползла к снежному фонарю и вытащила оттуда свою свечку.

— Возьмем ее домой, — сказала она. — А не то явится Морра и сядет на нее.

Муми-тролль серьезно кивнул в ответ. Он видел Морру всего один-единственный раз в жизни. Это было давным-давно, августовской ночью. Холодная как лед, вся серая, Морра сидела в тени кустов сирени и смотрела на них. И как смотрела! А когда она скрылась, то оказалось, что на том месте, где она сидела, замерзла земля.

На какой-то миг Муми-тролль призадумался: может, и зима наступила оттого, что десять тысяч морр уселись на землю. Но он решил поговорить об этом с Туу-тики, когда познакомится с ней поближе.

Пока они спускались по склону горы, в долине стало светлее, и Муми-тролль понял, что взошла луна.

Туу-тики повернула на запад и пошла напрямик через фруктовый сад.

— Здесь раньше росли яблоки, — заметил общительный Муми-тролль, глядя на голые деревья.

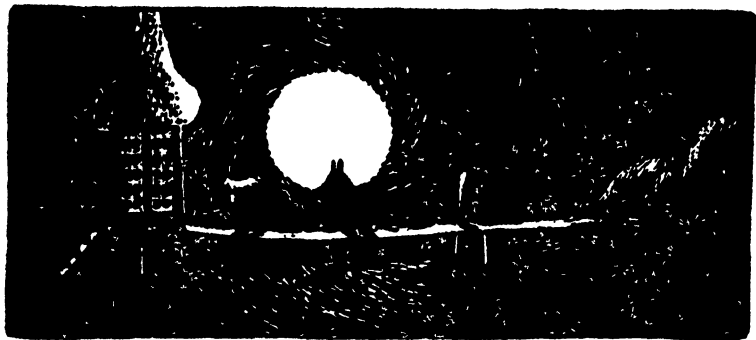
— А теперь здесь растет снег, — равнодушно ответила Туу-тикки и пошла дальше.

Они спустились к морю — сплошной черной пелене мрака — и осторожно вышли на узкие мостки, ведущие к купальне.

— Отсюда я обычно нырял в воду, — тихонько прошептал Муми-тролль и посмотрел на прошлогодние желтые сложенные камышины, торчавшие из-под льда. — Вода была очень теплая, и я всегда делал по девять заплывов под водой.

Туу-тикки открыла дверь купальни. Войдя туда, она поставила свечу на круглый столик, который папа Муми-тролля давным-давно выловил в море.

В восьмиугольной семейной купальне муми-троллей ничего не изменилось. Пожелтевшие веники на дощатых стенках, окошки с мелкими зелеными и красными стекльцами, узкие скамейки и шкаф для купальных халатов, надувной резиновый хемуль, которого никогда не удавалось как следует надуть.

Все было таким же, как летом. И все-таки купальня как-то таинственно изменилась.

Туу-тики сняла шапочку, которая тут же сама собою влезла на стенку и повисла на гвозде.

— От такой шапочки я бы тоже не отказался, — вздохнул Муми-тролль.

— А тебе шапочка ни к чему, — возразила Туу-тики. — Чтобы согреться, тебе надо помахать ушами, и сразу станет тепло. А вот лапам твоим — холодно.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, на полу появилась пара шерстяных чулок, которые важно легли у ног Муми-тролля.

Одновременно в трехногой железной печурке, стоявшей немного поодаль, зажегся огонь и кто-то под столом начал осторожно играть на флейте.

— Они стесняются, — объяснила Туу-тикки. — Поэтому и играют под столом.

— А почему они не показываются? — спросил Муми-тролль.

— Они так застенчивы, что стали невидимками, — ответила Туу-тикки. — Это восемь совсем маленьких мышек-землероек, которые живут вместе со мной в купальне.

— Эта купальня папина, — заявил Муми-тролль.

Туу-тикки серьезно взглянула на него.

— Может, ты и прав, а может, и нет, — сказала она. — Летом она — папина, зимой — Туу-тиккина.

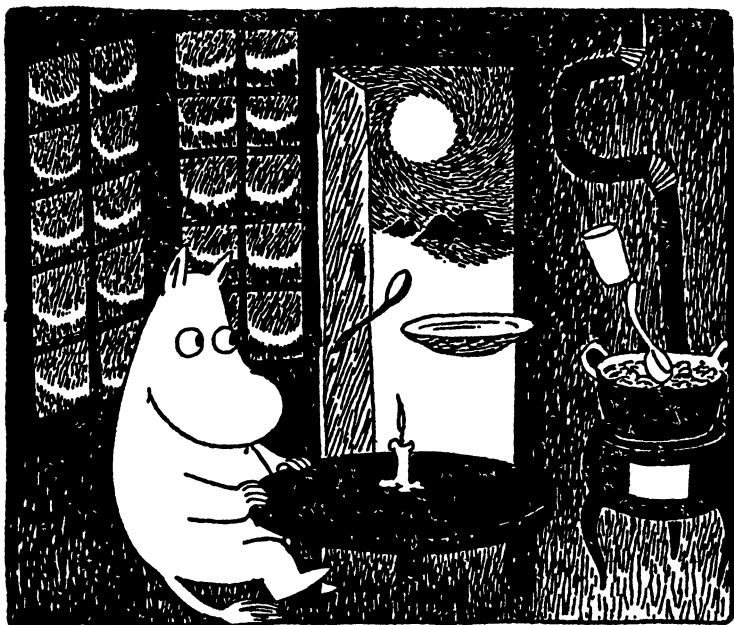
Котелок, стоявший на печурке, закипел. Крышка сама собой поднялась, а ложка начала помешивать суп. Другая ложечка всыпала в котелок немного соли и аккуратно вернулась на подоконник.

Близилась ночь, и мороз крепчал, а лунный свет заглядывал во все зеленые и красные стекольца.

— Расскажи мне про снег, — попросил Муми-тролль и уселся в выгоревший на солнце папин шезлонг. — Я не понимаю, что это такое.

— Я тоже, — ответила Туу-тики. — Думаешь, он холодный, а если вылепить из него снежный домик, там становится тепло. Он кажется белым, но иногда он розовый, иногда — голубой. Он может быть мягче всего на свете, а может быть тверже камня. О нем ничего нельзя знать наверняка.

Вдруг, откуда ни возьмись, плавно прилетела по воздуху тарелка ухи и встала на стол прямо под носом Мумитролля.

— Где твои мышки научились летать? — спросил он.

— Не важно, — ответила Туу-тики. — Нельзя же обо всем расспрашивать этот народец. Может, мышкам не хочется открывать свои тайны. Не твоя это печаль, да и о снеге тоже не беспокойся.

Прихлебывая из тарелки уху и глядя на угловой шкаф, Муми-тролль подумал о том, как приятно, оказывается, знать, что твой собственный старый купальный халатик висит в этом шкафу. И что среди всего нового и тревожного есть что-то надежное и привычное. Муми-тролль помнил, что его купальный халатик — голубой, что на нем оторвана вешалка и что в одном кармане, возможно, лежат солнечные очки. Наконец он сказал:

— Мы храним здесь наши купальные халаты. Мамин халат висит в самой глубине шкафа.

Туу-тики протянула лапку и поймала прилетевший по воздуху бутерброд.

— Спасибо, — поблагодарила она мышек-невидимок и попросила Муми-тролля: — Только никогда не открывай этот

шкаф. Обещай мне никогда его не открывать.

— Не буду я ничего обещать, — угрюмо ответил Муми-тролль, глядя в свою тарелку.

Ему вдруг показалось, что самое главное в мире — это открыть дверцу шкафа и посмотреть, висит ли там на месте купальный халатик. Огонь в печурке так разгорелся, что в трубе зашумело. В купальне стало совсем тепло, а под столом флейта продолжала наигрывать свою сиrotливую мелодию.

Невидимые лапки убрали со стола опустевшие тарелки. В море стеарина утонул фитилек свечи, и она погасла. Теперь в купальне светился лишь красный глазок печурки, да на полу — узор из зеленых и красных стеклышек, нарисованных лучами лунного света.

— Я собираюсь ночевать сегодня ночью дома, — строго сказал Муми-тролль.

— Правильно! — одобрила Туу-тики. — Луна еще не зашла, так что ты, наверное, найдешь дорогу.

Дверь распахнулась сама собой, и Муми-тролль ступил в снег.

— А все-таки, — сказал он, — все-таки мой голубой купальный халатик висит в этом шкафу. Спасибо за уху.

Дверь снова закрылась, и Муми-тролль остался наедине с лунным светом да тишиной.

Он быстро глянул на замерзшее, обледеневшее море, и ему показалось, что где-то далеко на горизонте маячит огромная, неуклюжая Морра.

Он увидел, как она ждет среди прибрежных валунов. А когда шел лесом, ее тень упорно пряталась за каждым деревом. Это была та самая Морра, которая могла сесть на все свечи в мире и заставить померкнуть все краски.

Наконец Муми-тролль пришел в свой спящий дом. Он медленно влез на огромный сугроб с северной стороны и добрался к слуховому окошку на крыше: окошко все еще было приотворено.

Воздух в доме был теплый, там пахло муми-троллями, и от шагов Муми-тролля звякнула, приветствуя его, хрустальная люстра. Муми-тролль взял свой матрац и положил его рядом с маминой кроватью. Тихонько вздохнув, она что-то

пробормотала во сне. А что — он так и не понял. Затем, тихонько рассмеявшись, она перекатилась поближе к стене.

«Я не принадлежу больше к тем, кто спит, — подумал Муми-тролль. — А к тем, кто не спит, — тоже. Я не знаю, что значит проснуться и что такое — спать».

И он тут же заснул, и сирень, что цветет летом, укрыла его своей ласковой зеленой тенью.

Малышка Мю лежала в своем рваном спальном мешке и злилась. К вечеру подул сильный ветер, он задувал прямо в пещеру. Мокрая картонная коробка лопнула в трех местах, а клочья шерсти, выдранные из спального мешка, беспорядочно летали по всей пещере из угла в угол.

— Привет, старушенция! — закричала малышка Мю и толкнула в спину свою сестрицу Мюмлу.

Но Мюмла продолжала спать, она даже не шевельнулась.

— Ну, я начинаю по-настоящему злиться, — сказала малышка Мю. — Один раз в жизни понадобилась сестра, и вот на тебе — пожалуйста!

Она отшвырнула пинком спальный мешок. Потом подползла к входному отверстию пещеры и с явным восхищением выглянула в холодный мрак.

— Вот я вам всем сейчас покажу, — угрюмо пробормотала малышка Мю и заскользила вниз с горы.

Здесь было гораздо пустынное, чем на краю света (если, конечно, кому-нибудь довелось побывать так далеко). А снег разметало по льду большими серыми волнами. И еще прежде, чем зашла луна, побережье исчезло во мраке.

— А теперь поехали! — сказала малышка Мю.

Ее юбки заколыхались на резком северном ветру. Она покатила среди снежных сугробов, растопылив лапки и удер-

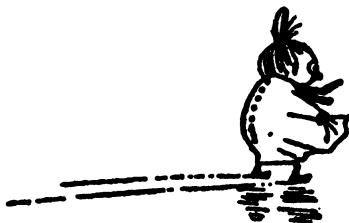
живая надежное равновесие, которое необходимо, если ты настоящая Мю.

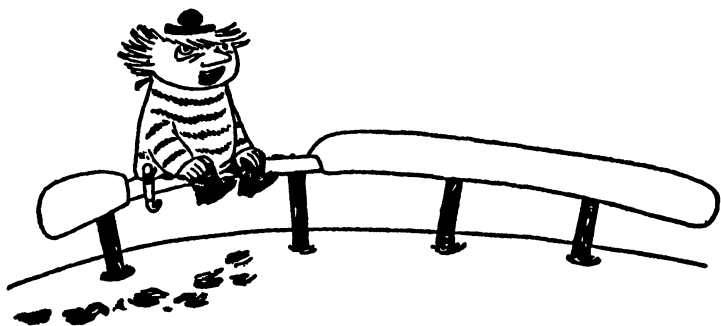
Свеча в купальне уже давным-давно погасла, и, проезжая мимо, малышка Мю увидела лишь очертания остроко-
нечной крыши на глади неба. «Это же наша старая купальня», — подумала Мю и вдохнула резкий и опасный запах зимы. Она остановилась у края берега и при-
слушалась. В глубине Одиноких гор, невероятно далеко отсюда, завывали волки.

— Выходит, дело нешуточное! — про-
бормотала малышка Мю и ухмыльнулась в темноте.

Ее чутье подсказало ей, что где-то здесь — дорога в долину Муми-дален и к дому, где есть теплые одеяла, а может, даже и новый спальный мешок. И она побежала между деревьями напрямик по берегу к дому.

Она была такая маленькая, что ее ножки совсем не оставляли следов на снегу.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Лютая стужа

Теперь все часы снова шли: Муми-тролль завел их во всем доме, чтобы не чувствовать себя таким одиноким. Но так как счет времени он утратил, то поставил часы на разное время — может, какое-нибудь и окажется правильным.

Иногда били часы, звенел будильник, и это утешало Муми-тролля. Но он не мог забыть самое ужасное — то, что солнце больше не желало всходить. И правда, день за днем каждое утро брезжил какой-то серенький рассвет, который переходил мало-помалу в длинную зимнюю ночь.

А солнце так и не всходило. Оно где-то потерялось, может, унеслось в космос.

В самом начале Муми-тролль отказался в это верить. Он долго ждал, не покажется ли солнце вновь.

Каждый день он спускался к морскому берегу и сидел в ожидании, повернув мордочку на восток. Но ничего так и не случилось. Тогда он шел домой, закрывал за собой слуховое окошко на чердаке и зажигал свечи, стоявшие длинным рядом на выступе изразцово́й печи. Тот, кто обитал под кухонным столиком, по-прежнему не вылезал, чтобы поесть, а жил, по-видимому, собственной, ужасно таинственной и важной жизнью.

По льду ковыляла Морра, тоже занятая собственными мыслями, которые никто до сих пор так и не смог разгадать, а в шкафу купальни за купальными халатами затаилось что-то ужасно опасное. Ничего тут не поделаешь!

Неизвестно почему, но такое бывает в жизни, и ты перед этим беспомощен.

Муми-тролль отыскал на чердаке большую коробку с глянцевыми картинками и, восхищенный по-летнему яркими красками, принялся мечтательно их разглядывать. Там было все: и цветы, и восходы

солнца, и маленькие автомобильчики со светлыми и яркими колесиками. Блестящие мирные картинки напоминали ему о том прекрасном мире, который он утаил.

Сначала он разложил картинки на полу гостиной, а потом догадался расклеить их по стенам. Он клеил медленно и тщательно, чтобы картинки подольше держались; самые же красивые он наклеил над кроватью своей спящей мамы.

Муми-троль клеил и клеил картинки, пока не добрался до зеркала; и тут он вдруг увидел, что большой серебряный поднос исчез. Он всегда висел справа от зеркала на ленте, вышитой красным крестиком.

Муми-троль очень разволновался, потому что мама любила этот поднос. Поднос был семейной драгоценностью, которой никогда не пользовались, и единственной вещью в доме, которую начищали к празднику летнего солнцестояния. Осталась только лента да темный овал на обоях.

Огорченный, Муми-троль стал расхаживать по дому и искать поднос. Его нигде не было, зато он обнаружил, что

исчезла уйма других вещей — подушек, одеял и кастрюль; исчезли мука и сахар. Исчезла даже грелка с вышитой на ней розой, грелка, которую обычно надевали на кофейник.

Муми-тролль принял близко к сердцу все эти пропажи, потому что чувствовал себя в ответе перед всем спящим семейством. Сначала он заподозрил в краже того, кто жил под кухонным столиком. Заподозрил было и Морру, и того, кто прятался в шкафу купальни. А вообще-то это мог быть кто угодно: зима была полна удивительных существ, таинственных и странных.

«Надо спросить Туу-тикки, — подумал Муми-тролль. — Правда, я хотел наказать солнце и не выходить из дома, пока оно не вернется. Но тут дело поважнее».

Выйдя из дома, Муми-тролль увидел перед самой верандой в сероватой полумгле незнакомую белую лошадь. Она смотрела на него своими блестящими глазами. Муми-тролль осторожно поздоровался. Однако лошадь не шевельнулась.

И тут он увидел, что лошадь сделана из снега. Вместо хвоста у нее была метелка, из тех, что лежали в дровяном сарае, а вместо глаз — маленькие зеркальца. В зеркальных глазах Снежной лошади Муми-тролль увидел самого себя, и это испугало его. Тогда он, сделав крюк, обошел ее и быстро засеменял вниз к голым кустам жасмина.

«Если бы хоть здесь оказался кто-нибудь, знакомый мне с прежних вре-

мен, — думал Муми-тролль. — Кто-нибудь вовсе не таинственный, а совсем обыкновенный, который тоже проснулся и не узнал самого себя. Тогда можно было бы сказать: „Привет! Какой ужасный холод! И до чего глупый этот снег! А ты видел, какими стали кусты жасмина?! А помнишь летом...“ Или что-нибудь в этом роде!»

Туу-тикки сидела на перилах моста и
пела:

*Я — Туу-тикки, я слепила лошадь,
дикую белую лошадь, что скачет
 галопом,
что топчет лед пред тем, как наступит
 ночь,
белую величественную лошадь, что
 скачет галопом
и несет великую лютую стужу на своей
 спине.*

Потом шел совершенно непонятный
припев.

— Ты о чем это поешь? — грустно спросил Муми-тролль.

— О том, что вечером мы лошадь
обольем водой из реки. Тогда ночью

она замерзнет и станет ледяной. А когда явится великая стужа, лошадь умчится галопом и никогда не вернется.

Немного помолчав, Муми-тролль сказал:

— Кто-то уносит вещи из папиного дома.

— Так это же здорово, — весело сказала Туу-тики. — Тебя и так окружает слишком много вещей. И тех, о которых ты вспоминаешь, и тех, о которых ты только мечтаешь.

И тут Туу-тики запела новую песню.

Муми-тролль резко отвернулся.

«Она меня не понимает», — думал он, уходя. За его спиной по-прежнему звучала ликующая песня.

— Пой, пой, — пробормотал, всхлиывая, Муми-тролль. — Пой о своей противной зиме с черными льдинами и злыми лошадьми из снега и всем этим чудным народцем, который никогда не показывается, а только прячется!

Тяжело ступая, он двинулся дальше вниз по склону; он сердито пинал снег, и слезы замерзали на его мордочке. Внезапно он запел собственную песенку.

Он кричал, он горланил изо всех сил, чтобы Туу-тикки услышала его и разозлилась. Муми-тролль запел свою злую песенку:

*Что вы прячетесь, злые зверюшки,
 глупые вы притворялы?
Утащили вы солнце, чтобы серо
 и холодно стало.
Я здесь так одинок, я устал пробираться
 в снегу,
о зеленых деревьях долины забыть
 не могу.
Вспоминаю я волны на море, голубую
 веранду мою,
не хочу больше жить в этом зимнем и
 страшном краю*.*

— Пусть только взойдет мое солнце и глянет на вас, вы тут же увидите, какие вы глупые! — закричал Мумитроль, не заботясь больше о том, чтобы зарифмовать свои слова.

Тогда я стану жить в подсолнухе
и валяться в теплом песке.
И окно в сад, где роятся пчелы,
будет открыто целый день.

* Перевод Д. Закса.

*И будет ярко-голубое небо,
а в нем мое собственное
апельсиново-желтое солнце.*

Когда Муми-тролль пропел свою дерзкую песенку, стало ужасно тихо. Он молча стоял и прислушивался, но никто ему не возражал.

«Сейчас непременно что-нибудь случится», — дрожа, подумал он.

И правда случилось.

Кто-то в вихре сверкающего снега съезжал с холма, крича:

— Прочь с дороги! Берегись!

Муми-тролль застыл на месте, удивленно тараща глаза.

Прямо навстречу ему катился серебряный поднос, а на нем восседала про-

павшая грелка с кофейника. «Наверное, Туу-тики полила их водой из реки, — в ужасе подумал Муми-тролль. — А теперь они ожили, убегают прочь и никогда больше не вернутся...»

Вот тут-то он и столкнулся с подносом и грелкой. Муми-тролль упал, барахтаясь в снегу, и услышал, как внизу, у подножия холма, смеется Туу-тики.

А потом раздался другой смех — так смеяться могло во всем мире только одно-единственное существо.

— Малышка Мю! — приглушенно закричал Муми-тролль — в рот ему набился снег.

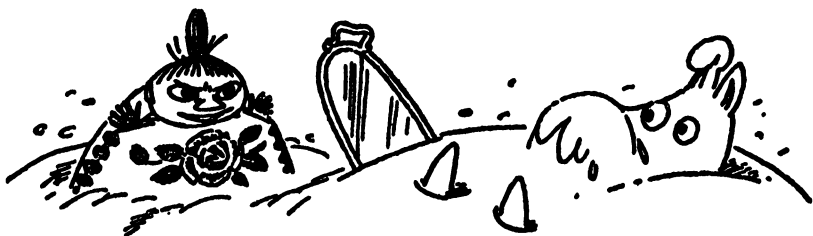
Муми-тролль выбрался из сугроба вне себя от радости. Вот-вот случится что-то хорошее. Это и вправду была малышка Мю, вся запорошенная снегом. В грелке для кофейника Мю прорезала отверстия для головы и лапок, так что вышитая роза красовалась на самом ее животе.

— Малышка Мю! — воскликнул Муми-тролль. — О, ты не знаешь... Все было такое чужое, мне было так одиноко... А помнишь летом...

— Но теперь зима, — сказала малышка Мю, доставая из снега серебряный поднос. — Неплохо кувырнулась, а?!

— Я проснулся и не мог уснуть, — продолжал Муми-троль. — Дверь не открывалась, солнце исчезло, и даже тот, кто живет под кухонным столиком...

— Да, да, — весело сказала малышка Мю. — А потом ты наклеил глянцевые картинки на стены. Похоже на тебя!

Я вот все ломаю голову: может поднос скользить быстрее, если натереть его стеарином?

— Неплохо придумано, — обрадовалась Туу-тики.

— По льду поднос, наверное, помчится еще быстрее, — сказала малышка

Мю. — Если найти хороший парус в доме муми-троллей.

— А ветер будет его подгонять, — добавила Туу-тики.

Муми-тролль посмотрел на них и немного подумал. А потом тихо сказал:

— Можете взять мой тент.

После полудня Туу-тики почувала, что великая стужа уже в пути. Она облила Снежную лошадь водой из реки и натаскала дров в купальню.

— Сидите сегодня дома, потому что она вот-вот явится, — сообщила Туу-тики мышкам.

Мышки-невидимки закивали головами, и в шкафу что-то зашуршало, словно в знак согласия. Потом Туу-тики вышла предупредить всех остальных обитателей долины.

— Не беспокойся, — сказала малышка Мю. — Я войду в дом, когда стужа начнет щипать меня за лапки. А Мюмлу можно прикрыть сверху соломой.

И Мю снова покатила серебряный поднос по ледяному насту.

Туу-тикки продолжала свой путь в долину. По дороге она встретила бельчонка с хорошеньким хвостиком.

— Вечером сиди в своем дупле, ведь того и гляди явится великая стужа, — предупредила Туу-тикки.

— Ясное дело, — ответил бельчонок. — А ты случайно не видела шишку,

которую я потерял где-то здесь поблизости?

— Нет, — ответила Туу-тикки. — Но обещай не забыть то, что я сказала. Сиди дома! Как только стемнеет, прячься в своем дупле. Не забудь! Это важно!

Бельчонок рассеянно кивнул.

Туу-тикки отправилась дальше, к дому муми-троллей, и влезла наверх по веревочной лестнице. Она открыла слуховое окошко и позвала Муми-тролля.

Красными бумажными нитками он чинил купальники всем своим родным.

— Я хотела только сообщить, что великая лютая стужа вот-вот явится, — сказала Туу-тики.

— Еще свирепей, чем сейчас? — спросил Муми-тролль. — Какие же вообще эти стужи?

— Это будет самая опасная, — ответила Туу-тики. — Она явится прямо с моря, в сумерки, когда небо позеленеет.

— А какая она, эта стужа? — спросил Муми-тролль.

— Она очень красивая, эта Ледяная дева, — ответила Туу-тики. — Но если ты заглянешь ей прямо в лицо, ты замерзнешь и превратишься в ледышку. Станешь таким же, как хрустящий хлеб, и кто угодно сможет разломать тебя на мелкие кусочки. Поэтому сиди сегодня вечером дома.

Сказав это, Туу-тики снова вылезла на крышу.

Муми-тролль спустился вниз, в погреб, и добавил воды в котел парового отопления. А потом прикрыл ковриками спящих маму, папу и фрёкен Снорк.

Затем он завел часы и покинул дом. Ему хотелось оказаться наедине с Ледяной девой, когда она наконец явится.

Муми-тролль спустился вниз в купальню; небо уже поблекло и начало зеленеть. Ветер уснул, а мертвые камышины неподвижно застыли у края льдины.

Муми-тролль прислушался и подумал, что тишина тоже поет, только низким голосом. Быть может, это пел лед, который все более толстым покровом стягивал море.

В купальне было тепло, а на столе стоял голубой чайник Муми-мамы.

Муми-тролль уселся в шезлонг и спросил:

— Когда она явится?

— Скоро, — ответила Туу-тикки. — Но ты не беспокойся.

— Разве я о стуже беспокоюсь? — сказал Муми-тролль. — Я беспокоюсь о других. О тех, о ком я ничего не знаю, о том, кто живет под кухонным столиком. И еще о том, кто сидит в моем шкафу. И еще о Морре, которая только смотрит и не говорит ни слова.

Туу-тики потерла мордочку и задумалась.

— Видишь ли, — сказала она, — столько самого разного случается только зимой, а не летом, и не осенью, и не весной. Зимой случается все самое страшное, самое удивительное. Являются всякие ночные звери и существа, которым нигде нет места. Да никто и не верит, что они есть на свете. Ведь все остальное время они прячутся. А когда выпадает белый снег, ночи становятся длинными, наступает покой и все погружается в зимнюю спячку — вот тогда они тут как тут.

— А ты их знаешь? — спросил Муми-тролль.

— Кого знаю, а кого и нет, — ответила Туу-тики. — Того, кто живет под кухонным столиком, я, к примеру, знаю очень хорошо. Думаю, он хочет сохранить свою тайну, и я не могу познакомить вас.

Муми-тролль пнул ножку стула и вздохнул.

— Ясное дело, ясное дело, — проговорил он. — Но я не хочу жить среди разных тайн. Вдруг — бац! — и ты попадаешь в совсем новый мир, и нет

никого, кому хочется спросить, где ты жил прежде. Даже у малышки Мю нет желания говорить о том прежнем, *настоящем* мире.

— А как можно узнать, какой мир — настоящий, а какой — нет? — спросила Туу-тики, прижавшись носом к стеклу. — Вот и она!

Малышка Мю распахнула дверь и швырнула серебряный поднос, который со звоном упал на пол.

— Парус годится, — объявила она. — Но сейчас мне нужнее всего муфта. Из грелки для кофейника, как я ее ни кроила, муфта никак не выходит. А теперь у нее такой вид, что мне даже совестно подарить ее ежу-переселенцу*.

— Вижу, — сказал Муми-троль, мрачно глядя на растерзанную грелку.

Малышка Мю бросила грелку на пол, и ее мгновенно убрала одна из мышек-невидимок.

— Ну, Ледяная дева скоро явится, — сказала малышка Мю.

* Еж, который не по своей воле уезжает из дома, не успев взять зубную щетку (прим. авт.).

— Я тоже так думаю, — серьезно согласилась с ней Туу-тики. — Выйдем и посмотрим.

Они вышли на мостки купальни и принялись к морю. Вечернее небо было совсем зеленым, и весь мир казался сделанным из тонкого стекла. Стояла мертвая тишина, и повсюду, отражаясь в ледяном насте, светили ясно различные звезды. Было ужасно холодно.

— Да, она приближается, — подтвердила Туу-тики. — Теперь нам пора уйти в дом.

В доме было тихо, даже мышки под столом перестали играть.

Далеко-далеко на речном льду показалась Ледяная дева. Она была белая-белая, словно вылитая из стеарина, но когда Муми-троль взглянул на нее через оконное стекло с правой стороны, она показалась ему красной, а когда посмотрел с левой, она стала светло-зеленой.

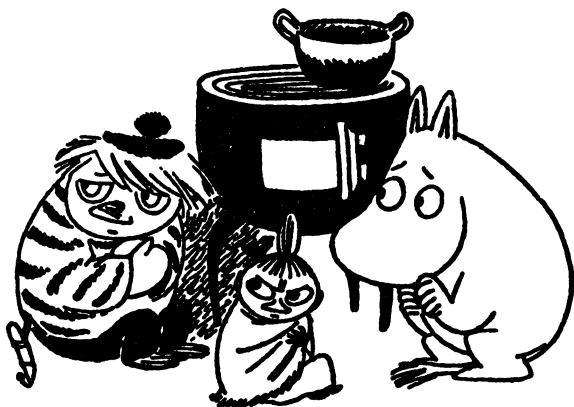
Вдруг Муми-троль почувствовал, что стекло очень похолодело, у него заболела мордочка, и он испуганно отдернул ее от окна.

— Не смотрите туда, — сказала Туу-тикки.

Они сели возле печки и стали ждать...

— Ой, кто-то карабкается ко мне на колени! — воскликнула малышка Мю и посмотрела на свою юбку. Там никого не было.

— Это мои мышки-невидимки, им страшно, — сказала Туу-тикки. — Сиди спокойно, они скоро уйдут.

Ледяная дева как раз проходила мимо купальни. Быть может, она бросила взгляд в окно, потому что в купальне пронесся ледяной порыв ветра, от которого заколебались и померкли красные

языки пламени в печурке. Мышки-невидимки смущенно прыгнули с колен малышки Мю, и все они (и Туу-тики, и Мю, и Муми-тролль) ринулись к окну, чтобы поглядеть на Ледяную деву.

Она стояла спиной к ним в зарослях камыша над снежным сугробом.

— Там бельчонок, — сказала Туу-тики. — Он забыл, что надо сидеть дома.

Ледяная дева склонила свое прекрасное лицо над бельчонком и рассеянно щекотала его за ушком. Он как зачарованный смотрел на нее, прямо в ее холодные голубые глаза. Улыбнувшись, Ледяная дева пошла дальше.

А на снегу, задрав кверху маленькие лапки, остался лежать оцепеневший и холодный глупенький бельчонок.

— Плохо дело, — проговорила Туу-тики. Она надвинула шапочку на уши, толкнула дверь, и белое облачко снежного пара ворвалось в купальню. Мгновение спустя Туу-тики снова прошмыгнула

в приоткрытую дверь и положила бельчонка на стол.

Мышки-невидимки ринулись вперед, намочили полотенце горячей водой и завернули бельчонка в это горячее полотенце. Но его маленькие лапки все так же безжизненно и печально торчали кверху, и ни один усик не шевелился.

— Он совсем мертвый, — констатировала малышка Мю.

— Во всяком случае, перед тем как умереть, он увидел что-то очень красивое, — дрожащим голосом произнес Муми-тролль.

— Что подделаешь, — сказала малышка Мю. — Как бы там ни было, теперь он забыл обо всем на свете. А я собираюсь сделать из его хвостика премиленькую муфточку.

— Нет, ты этого не сделаешь, — взволнованно закричал Муми-тролль. — Он должен взять хвостик с собой в могилу. Потому что бельчонка *нужно* похоронить*. Правда, Туу-тики?

* Если ты, читатель, заплачешь на этом месте, посмотри быстрее на стр. 172—173 (прим. авт.).

— Гм, — хмыкнула Туу-тикки. — Кто знает, принесет ли радость звериному народу хвостик после смерти?

— Миленькая Туу-тикки, — взмолился Муми-тролль, — не говори все время о том, что он умер. Это так ужасно.

— Раз умер, так уж умер, — примирительно сказала Туу-тикки. — Этот бельчонок мало-помалу превратится в прах. А потом, чуточку позднее, из него вырастут деревья, и на них будут прыгать новые бельчата. Разве это так уж печально?

— Может, и нет, — ответил Муми-тролль и высморкался. — Но все равно, завтра его надо похоронить, и обязательно с хвостиком и со всем-всем, что у него есть. И похороны должны быть красивые и торжественные.

На следующий день в купальне было очень холодно. Огонь еще горел в печурке, но мышки-невидимки заметно устали. В кофейнике, который Муми-тролль принес из дому, застыла под крышкой тонкая корочка льда.

Вообще-то, Муми-тролль отказался пить кофе из уважения к памяти мертвого бельчонка.

— Ты должна дать мне купальный халатик, — торжественно сказал он Туу-тикки. — Мама говорила, что на похоронах всегда бывает холодно.

— Отвернись и сосчитай до десяти, — предложила Туу-тикки.

Муми-тролль отвернулся к окну и стал считать. Когда он досчитал до восьми, Туу-тикки заперла дверцу шкафа и протянула ему голубой купальный халатик.

— Подумать только, ты вспомнила, что мой халатик голубой, — радостно удивился Муми-тролль.

Он тотчас сунул лапу в карман, но не нашел солнечных очков. Зато там было немного песка и круглый белый камешек.

Он зажал камешек лапой. В его округлости таилась надежность лета. Муми-троллю почти казалось, что камешек по-прежнему теплый от солнца.

— У тебя такой вид, будто ты пришел незваным в гости, — заметила малышка Мю.

Муми-троль даже не посмотрел на нее.

— Пойдете вы на похороны или нет? — с достоинством спросил он.

— Ясное дело, пойдем, — ответила Туу-тики. — По-своему это был хороший бельчонок.

— В особенности хорош был у него хвостик, — сказала малышка Мю.

Они завернули бельчонка в старую купальную шапочку и вышли на жгучий мороз.

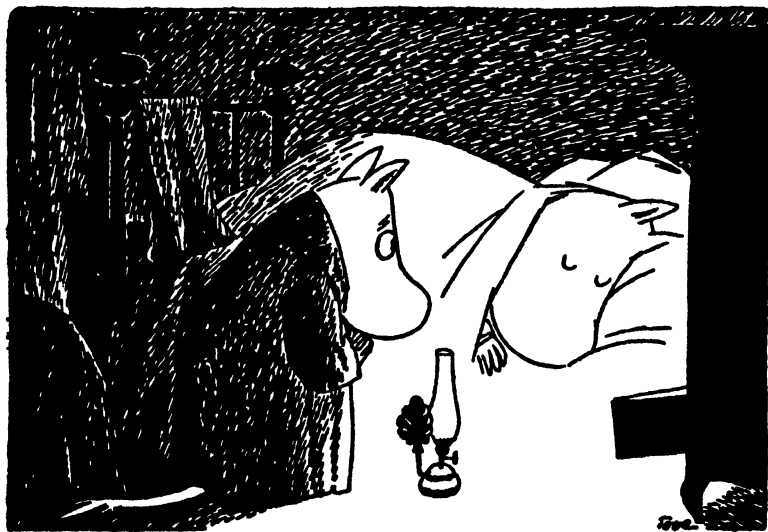
Снег скрипел у них под ногами, а дыхание белым паром вырывалось изо рта. А нос так оледенел, что его нельзя было даже сморщить.

— Твердый здесь наст, — восхитилась малышка Мю и запрыгала по мерзлomu берегу.

— Ты не можешь идти чуточку медленнее? — попросил Муми-тролль. — Это ведь *все-таки* похороны.

Он был вынужден делать маленькие-маленькие вздохи, чтобы не заглотнуть слишком много ледяного воздуха.

— А я и не знала, что у тебя есть брови! — с любопытством воскликнула

малышка Мю. — Сейчас они совсем посидели! И ты еще больше сбит с толку, чем всегда.

— Это из-за мороза, — строго сказала Туу-тикки. — А теперь помолчи, потому что ни ты, ни я ничего не знаем о похоронах.

Муми-тролль был благодарен ей за эти слова. Он принес бельчонка прямо к дому и положил его перед Снежной лошадкой.

Затем влез по веревочной лестнице на крышу и спустился вниз в теплую гостиную, где спали его родные.

Муми-тролль перерыл все ящики комода. Он перевернул все вверх дном, но не нашел того, что искал.

Тогда он подошел к маминой кровати и шепнул ей на ухо один вопрос. Вздохнув, мама перевернулась на другой бок. Муми-тролль снова шепнул.

Тогда мама, не просыпаясь, ответила ему: ведь она и во сне не забывала ничего из того, что касается традиций:

— Траурные ленты — в моем шкафу... на самой верхней полке... направо...

И мама снова погрузилась в зимнюю спячку.

А Муми-тролль вытащил из чулана стремянку и влез на нее, чтобы добраться до верхней полки шкафа.

Там он нашел коробку со всякими ненужными вещами, которые иногда могут оказаться совершенно необходимыми: черные траурные ленты и золотые праздничные, и ключи от дома, и пробку от шампанского, и клей для фарфора, и среди прочего — превосходные медные шары для кроватей.

Когда Муми-тролль снова вышел из дому, к хвосту у него была привязана траурная лента. Он прикрепил и маленький черный бантик к шапочке Туу-тикки.

А малышка Мю наотрез отказалась от всяких траурных лент и бантиков.

— Если я горюю, мне вовсе незачем это показывать и надевать разные там бантики, — сказала она.

— Да, если ты горюешь, — подчеркнул Муми-тролль. — Но ты ведь не горюешь!

— Нет, — призналась малышка Мю. — Я не могу горевать. Я умею только злиться или радоваться. А разве

бельчонку поможет, если я стану горевать? Зато если я разозлюсь на Ледяную деву, то, может, и укушу ее когда-нибудь за ногу. И тогда, пожалуй, она поостережется щекотать других маленьких бельчат за ушки только потому, что они такие миленькие и пушистые.

— Вероятно, ты права, — заметила Туу-тики. — Но как бы там ни было, Муми-троль тоже прав по-своему. А что делать дальше?

— Теперь я вырою ямку в земле, — сказал Муми-троль. — Здесь уютное местечко и летом растут маргаритки.

— Что ты, дружок! — печально сказала Туу-тики. — Земля мерзлая и твердая как камень. В нее не зароешь даже кузнечика.

Беспомощно взглянув на нее, Муми-троль ничего не ответил. Никто ничего больше не сказал. И вот тут-то как раз Снежная лошадь склонила голову и осторожно обнюхала бельчонка. Она вопросительно взглянула на Муми-троля своими зеркальными глазами и тихонько помахала хвостом-метелкой.

И тут мышки-невидимки заиграли печальную мелодию на своих флейтах. Муми-тролль, кивнув головой, поблагодарил мышек.

Тогда лошадь подняла бельчонка и положила его себе на спину — вместе с хвостиком, купальной шапочкой и всем прочим; похоронная процессия направилась к морскому берегу.

И тут Туу-тики запела о бельчонке:

*Жил-был маленький бельчонок,
очень маленький бельчонок.
Был он очень неразумный,
зато теплый и пушистый.
Теперь он лежит холодный,
совсем холодный,
его лапочки застыли.
Только хвостик его, как прежде,
самый мягкий и пушистый.*

Почувствовав под копытами твердый ледяной наст, Снежная лошадь вскинула голову, а глаза у нее засветились. И вдруг, радостно подпрыгнув, она поскакала галопом вперед.

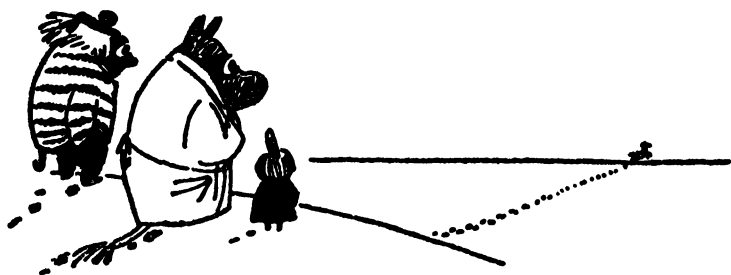
Мышки-невидимки перешли на веселую и быструю мелодию. Лошадь мча-

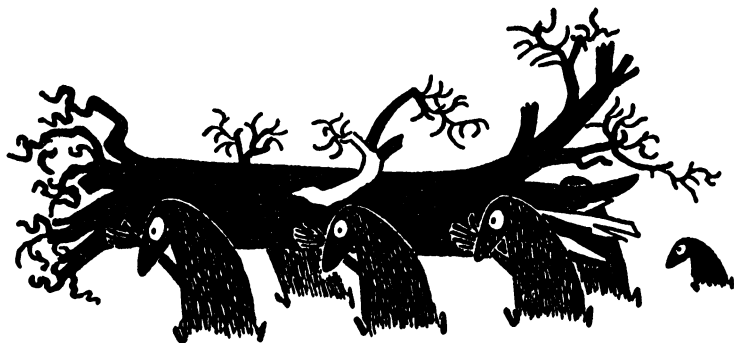
лась все дальше и дальше с бельчонком на спине и наконец превратилась в крохотную точку на горизонте.

— Я все думаю, хорошо ли у нас получилось, — беспокойно заметил Муми-тролль.

— Лучше и быть не могло, — утешила его Туу-тики.

— Нет, могло бы, — возразила малышка Мю. — Если бы мне достался красивый беличий хвостик на муфту, было бы куда лучше.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Таинственные существа

Через несколько дней после похорон бельчонка Муми-тролль обнаружил, что кто-то стащил торф из дровяного сарая.

От двери тянулись по снегу широкие следы, словно кто-то волочил за собой мешки.

«Это не Мю, — подумал Муми-тролль. — Она слишком маленькая, а Туу-тики берет лишь то, что ей нужно. Должно быть, это Морра».

Он отправился по следу — шерстка у него на затылке стояла дыбом. Ведь, кроме него, больше некому караулить топливо, так что это было делом чести.

След обрывался на горе, за пещерой.

Там и лежали мешки с торфом. Они были сложены в кучу и приготовлены для костра, а сверху лежала садовая скамейка семьи Муми-троллей, скамейка, потерявшая в августе одну из передних ножек.

— Эта скамейка будет красиво гореть, — сказала Туу-тики, высовываясь из-за костра. — Она старая и сухая, как нюхательный табак.

— Что старая, это точно, — согласился Муми-троль. — Скамейка довольно долго переходила из поколения в поколение нашей семьи. Ее можно было бы еще починить.

— Лучше смастерить новую, — сказала Туу-тики. — Хочешь послушать песню о Туу-тики, которая сложила большой зимний костер?

— Пожалуйста, — добродушно согласился Муми-троль.

Тогда Туу-тики начала медленно топтаться в снегу и петь:

*К нам, одинокие, грустные,
к нам, в темноте заплутавшие,
белые, серые, русые,
в зимнюю стужу озябшие!*

*Бей, барабан, веселей!
Всех наш костер обогреет,
грусть и тревогу развеет.
Бей, барабан, веселей!
Пламя поярче раздуем,
машем хвостами, танцуем.
Бей, барабан, не молчи
в черной холодной ночи!**

— Хватит с меня черной ночи! — воскликнул Муми-тролль. — Нет, не хочу слушать припев. Я замерзаю. Мне грустно и одиноко. Хочу, чтобы солнце вернулось!

— Но как раз поэтому мы и зажжем нынче вечером большой зимний костер, — сказала Туу-тикки. — Получишь свое солнце завтра.

— Мое солнце! — дрожа, повторил Муми-тролль.

Туу-тикки кивнула и почесала мордочку. Муми-тролль долго молчал. А потом осторожно спросил:

— Как ты думаешь, заметит солнце, что садовая скамейка тоже горит в костре, или нет?

* Перевод Д. Закса.

— Послушай-ка, — строго сказала Туу-тики, — такой костер на тысячу лет старше твоей садовой скамейки. Ты должен гордиться, что и она сгорит в этом костре.

Спорить с нею Муми-тролль не стал. «Придется объяснить это маме с папой, — подумал он. — А может, когда начнутся весенние бури, море выбросит другие дрова и другие садовые скамейки».

Костер становился все больше и больше. На вершину горы кто-то тащил сухие деревья, трухлявые стволы, старые бочки и доски, найденные кем-то, не желавшим показываться на берегу. Но Муми-тролль чувствовал, что на горе полно народу, но ему так никого и не удалось увидеть.

Малышка Мю притащила свою картонную коробку.

— Картонка больше не нужна, — сказала она. — Кататься на серебряном подносе гораздо лучше. А сестре моей, кажется, понравилось спать на ковре в гостиной. Когда мы зажжем костер?

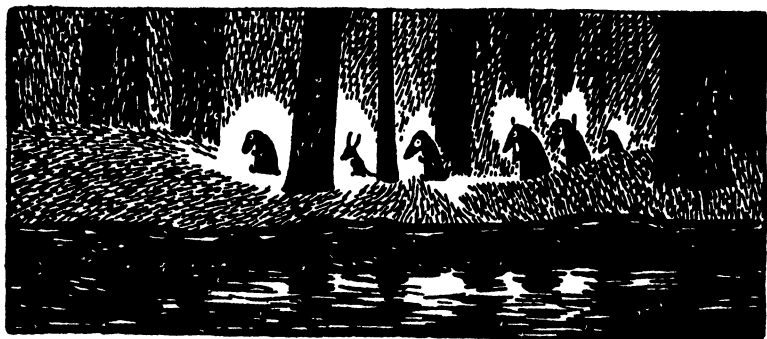
— Когда взойдет луна, — ответила Туу-тики.

Весь вечер Муми-тролль был в ужасном напряжении. Он бродил из комнаты в комнату и зажигал свечей больше, чем всегда. Иногда он молча стоял, прислушиваясь к дыханию спящих и слабому потрескиванию стен, когда холод крепчал.

Муми-тролль был уверен, что теперь все таинственные, все загадочные существа, все, кто боится света, и все ненастоящие, о которых говорила Туу-тикки, вылезут из своих норок. Они подкрадутся еле слышно к большому костру, зажженному маленькими зверюшками, чтобы умиловить тьму и холод. И наконец-то он их увидит!

Муми-тролль зажег керосиновую лампу, поднялся на чердак и открыл слуховое окошко. Луна еще не показывалась, но долина была залита слабым светом северного сияния. Внизу у моста двигалась целая вереница факелов, окруженная пляшущими тенями. Они направлялись к морю и к подножию горы.

Муми-тролль с зажженной лампой в лапах осторожно спустился вниз. Сад и лес были полны блуждающих лучей света и неясного шепота, а все следы вели к горе.

Когда он вышел на морской берег, луна стояла над ледяным покровом моря, белая как мел и ужасно далекая. Что-то шевельнулось рядом с Муми-троллем, и, нагнувшись, он увидел сердитые светящиеся глаза малышки Мю.

— Сейчас начнется пожар, — засмеялась она. — Мы спалим весь лунный свет.

И в тот же миг над вершиной горы взметнулось ввысь желтое пламя. Туу-тики зажгла костер.

Он занялся мгновенно. Взяв как зверь, костер вспыхнул снизу доверху багровыми языками пламени: отблески его трепетали на зеркальной поверхности почерневшего льда. Коротенькая сиротливая мелодия пронеслась у самого уха Муми-тролля — то мышки-невидимки,

опоздав, спешили попасть на эту зимнюю церемонию.

Их маленькие и большие тени торжественно скользили на вершине горы. И вот начали бить барабаны.

— Твоя садовая скамейка тоже пошла в ход, — сказала малышка Мю.

— Ну ее, эту скамейку! — нетерпеливо проговорил Муми-тролль.

Спотыкаясь, он карабкался вверх на оледенелую гору, сверкавшую в отсветах огня. Снег таял от жара костра, и теплые струйки воды стекали Муми-троллю на лапы.

«Солнце вернется, — возбужденно подумал он. — Конец темноте и одиночеству. Можно будет посидеть на веранде на солнцепеке и погреть спину...»

Он уже взобрался на вершину горы. Вокруг костра было жарко. Мышки-невидимки затаили новую, какую-то неистовую мелодию.

Но пляшущие тени исчезли, а барабаны били уже по другую сторону костра.

— Почему они ушли? — спросил Муми-тролль.

Туу-тики поглядела на него спокойными голубыми глазами. Но видела ли она его на самом деле? Он не был в этом уверен. Скорее, она всматривалась в собственный зимний мир, живший из года в год по собственным, чужим для Муми-тролля законам. Ведь зимой он всегда спал в теплом доме семейства муми-троллей.

— А где тот, кто живет в шкафу купальни? — спросил Муми-троль.

— Что ты сказал? — с отсутствующим видом спросила Туу-тики.

— Я хочу видеть того, кто живет в шкафу купальни! — повторил Муми-троль.

— Его нельзя выпускать, — ответила Туу-тики, — ведь никогда не знаешь, что может взбрести в голову такому, как он.

Множество каких-то крохотных существ с длинными ногами промчались, словно струйки дыма, по льду. Кто-то с серебристыми ногами, громко топая, прошел мимо Муми-тролля, а над огнем, широко размахивая крыльями, промчалось к северу что-то черное. Но все случилось

так быстро, что Муми-тролль даже не успел познакомиться с этими таинственными существами.

— Туу-тикки, миленькая, — попросил он, потянув ее за полу куртки.

И тогда она дружелюбно сказала:

— Вон тот, кто живет под кухонным столиком!

Это был совсем крохотный зверек с косматыми бровями: он сидел отдельно от всех и глядел на костер.

Муми-тролль подсел к нему и спросил:

— Надеюсь, хрустящий хлебец был не очень черствый?

Зверек посмотрел на него, но ничего не ответил.

— У вас такие удивительные косматые брови, — вежливо продолжал Муми-тролль.

Тогда зверек с косматыми бровями ответил:

— Снадафф уму-у.

— Что? — удивленно спросил Муми-тролль.

— Радамса! — сердито ответил зверек.

— Он говорит на своем языке и думает, что ты оскорбил его, — объяснила Туу-тики.

— Но я вовсе этого не хотел, — боязливо сказал Муми-тролль. — Радамса, радамса, — умоляюще добавил он.

Тут зверек с косматыми бровями вскочил вне себя от злости и исчез.

— Что же мне делать? — произнес Муми-тролль. — Теперь он еще целый год проживет под кухонным столиком, не зная, что я пытался сказать ему очень приятные слова.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула Туу-тики.

Садовая скамейка рассыпалась пламенным дождем.

На месте костра остались лишь красные угли, и снежная вода бурлила в горных расселинах.

Тут мышки-невидимки перестали играть на флейтах, и устали на лед.

Там сидела Морра. В ее маленьких круглых глазках отражался свет костра, а сама она казалась сплошной громадной и бесформенной серой глыбой. И стала гораздо больше, чем в августе.

Барабаны смолкли, когда Морра взгромозилась на вершину горы. Она подошла прямо к костру и, не произнося ни слова, уселась на него.

Угли страшно зашипели, и вся гора окуталась туманом. Когда он рассеялся, от пламенеющих углей не осталось и следа. Осталась лишь одна большая серая Морра, нагоняющая снежную мглу.

Муми-троль сбежал вниз на берег. Вцепившись в Туу-тики, он воскликнул:

— Что теперь будет? Морра погасила солнце!

— Успокойся! — сказала Туу-тики. — Она пришла вовсе не для того, чтобы погасить огонь, бедняжка хотела согреться. Но огонь, как и все теплое, гаснет, когда Морра садится на него. Теперь Морра снова разочаровалась в своих ожиданиях.

Муми-тролль видел, как Морра поднимается и обнюхивает вмерзшие в землю угли. Затем она подходит к зажженной керосиновой лампе, которую Муми-тролль оставил на вершине горы, и лампа гаснет.

Морра еще немного помедлила на вершине. Гора опустела, все разбрелись куда-то. Наконец Морра снова соскользнула на лед и растворилась в темноте, одинокая, как и прежде.

Муми-тролль снова отправился домой. Прежде чем заснуть, он осторожно подергал маму за ухо и сказал:

— Этот вечер был не особенно веселый.

— Ничего, сынок, — пробормотала во сне мама, — может, в другой раз...

А под кухонным столиком сидел зверек с косматыми бровями и бранился про себя.

— Радамса! — твердил он, пожимая плечами. — Радамса!

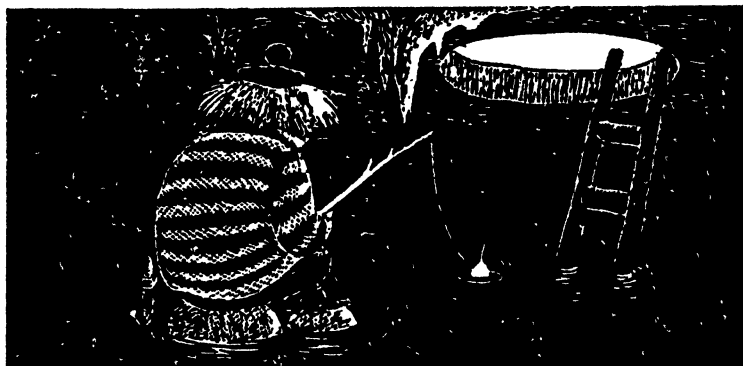
Но, как видно, никто, кроме него самого, не мог понять, о чем он толкует.

Туу-тики удила подо льдом рыбу. Она думала о том, как это хорошо, что у моря бывают часы отлива, когда оно становится мелким и можно влезть в прорубь у мостков купальни и посидеть с удочкой на камне. Сверху тебя прикрывает зеленоватый ледяной свод, а под ногами плещется море.

Все это похоже на черный пол и зеленый потолок, которые простираются в бесконечность, пока не сольются воедино и не станут сплошной тьмой.

Рядом с Туу-тики лежали четыре маленькие рыбки. Оставалось поймать еще одну, чтобы хватило на уху.

Вдруг Туу-тики почувствовала, что мостки качаются от чьих-то нетерпеливых шагов. А потом там, наверху, кто-то

забарабанил в дверь купальни. Подождав немного, снова забарабанили.

— Эй! — закричала Туу-тики. — Я подо льдом!

Под ледяным сводом раздалось эхо:

— Эй!

Много раз прокатившись взад-вперед, эхо повторило:

— ...подо льдом!

Вскоре в прорубь осторожно просунулась мордочка Муми-тролля. Его уши были украшены выцветшими золотыми лентами.

Он взглянул на черную воду, дышавшую холодом, на четырех застывших рыбок, пойманных Туу-тики, и, задрожав, сказал:

— Оно никогда не вернется.

— Кто? — спросила Туу-тикки.

— Солнце! — закричал Муми-тролль.

— Солнце! Солнце, солнце, солнце... — вторило, удаляясь все дальше и дальше, эхо.

Туу-тикки вытянула из воды леску.

— Не спеши так, — сказала она. — Солнце каждый год всходило как раз в этот день; оно взойдет и сегодня. Убери свою мордочку, тогда я смогу выбраться из проруби.

Туу-тикки вылезла из проруби и села на крутую лесенку купальни. Она понюхала воздух, прислушалась и сказала:

— Через час. Садись и жди.

Малышка Мю прикатила по льду и уселась рядом с ними. Она крепко привязала к подошвам башмаков жестяные крышки от банок, чтобы лучше скользить по льду.

— Так, придется ждать новых чудес, — сказала она. — Но это не значит, что я против того, чтобы стало светлее.

Из леса прилетели, хлопая крыльями, две старые вороны и опустились на крышу купальни. Минуты шли.

Внезапно шерсть на спине Мумитrolля встала дыбом, и после нескольких минут мучительного ожидания он вдруг увидел, как на сумеречном небе, низко над горизонтом, зажглось красное

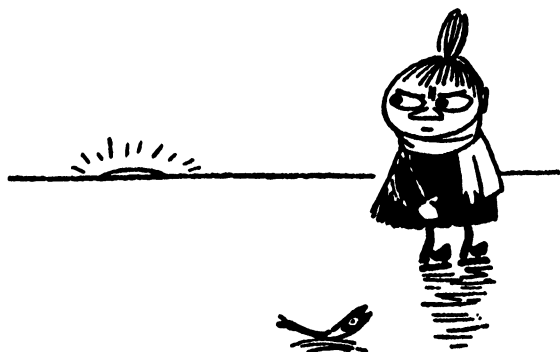
сияние. Оно сгустилось в узкую неяркую полосу, рассыпавшую длинные лучи света над ледяным покровом моря.

— Вот оно! — вскричал Мумитrolль. Приподняв малышку Мю, он поцеловал ее прямо в мордочку.

— Ах! Нечего дурачиться! — сказала малышка Мю. — Не шуми! Не из-за чего!

— Ура! — продолжал кричать Мумитrolль. — Скоро наступит весна! Станет тепло! Все начнет просыпаться.

Схватив четыре пойманные рыбки, Муми-тролль подбросил их высоко в воздух. Потом даже постоял на голове. Никогда прежде он не чувствовал себя таким счастливым, как теперь на льду.

В тот же миг лед снова потемнел. Вороны поднялись в воздух и, медленно взмахивая крыльями, полетели в сторону суши. Туу-тики собрала своих рыбешек, а маленькая красноватая полоска тем временем опустилась за горизонт.

— Никак солнце передумало?! — в ужасе воскликнул Муми-тролль.

— Не удивительно, раз ты так ведешь себя, — сказала Мю и умчалась на своих жестяных крышках-«коньках».

— Солнце вернется завтра, — утешила Муми-тролля Туу-тикки. — И оно будет чуть побольше, уже как корка сыра. Не принимай это так близко к сердцу.

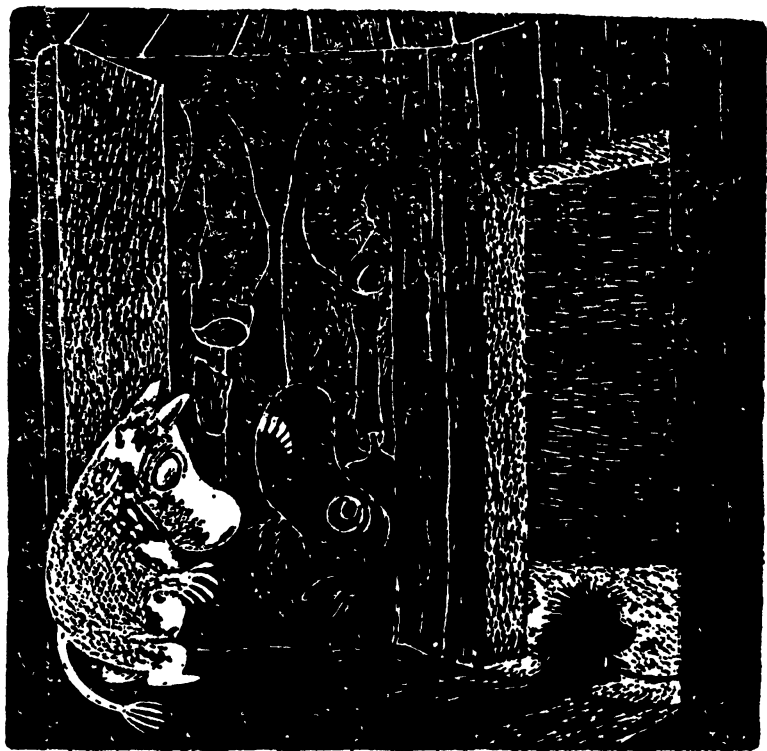
И Туу-тикки полезла под лед, чтобы наполнить суповую кастрюлю морской водой.

Ясное дело, она права. Не так-то просто солнцу взойти. Но оттого, что кто-то прав, твое разочарование ничуть не меньше.

Муми-тролля сидел, глядя вниз на ледяной наст, и внезапно рассердился. Злость зародилась где-то в животе, он почувствовал себя обманутым.

И ему стало стыдно оттого, что он шумел, оттого, что на ушах у него золотые ленты. Это еще больше разозлило его. В конце концов Муми-тролля почувствовал: он должен сделать что-то совершенно ужасное, такое, что ему запрещают, иначе ему не успокоиться. И сделать сию же минуту!

Он вскочил, перебежал через мост и ворвался в купальню, прошел прямо к шкафу и широко распахнул его дверцы. Там висели купальные халаты. Так же, как и летом.

И еще там лежал резиновый хемуль, которого ему никогда не удавалось как следует надуть. А на Муми-тролля смотрело незнакомое существо — маленькое, серое, с длинной шерстью и большой мордочкой. Внезапно оживившись, оно, словно ветер, промчалось мимо Муми-тролля и исчезло, будто его и не было.

Зато появилась Туу-тикки с суповой кастрюлей в лапах и сказала:

— Вон оно что, ты все-таки не удержался и открыл шкаф.

— Там сидела всего-навсего какая-то старая крыса, — угрюмо буркнул Муми-тролль.

— Это вовсе не крыса, — объяснила Туу-тикки. — Это тролль. Тролль — каким был и ты до того, как превратился в муми-тролля. Таким ты был тысячу лет тому назад.

Муми-тролль не нашелся что ответить. Он отправился домой и уселся поразмышлять в гостиной.

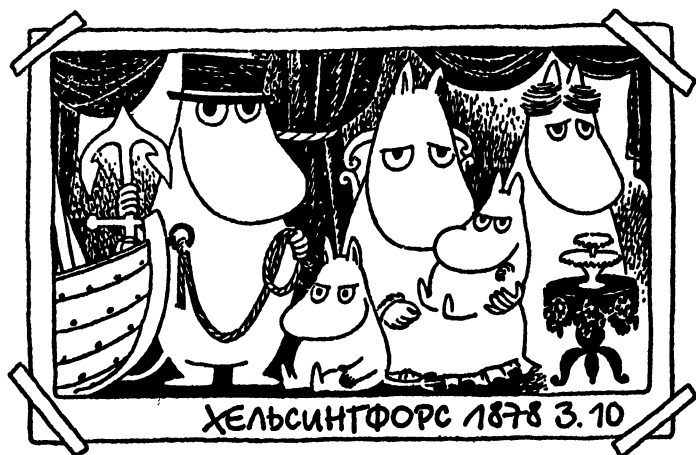
Немного погода пришла Мю — одолжить стеариновую свечу и сахар.

— О тебе ходят жуткие слухи, — восхищенно сказала она. — Болтают, что ты выпустил из шкафа собственного предка. И утверждают, будто вы похожи друг на друга.

— Какая чепуха! Не говори глупости! — отрезал Муми-тролль.

Он поднялся на чердак и отыскал семейный альбом.

Муми-тролль листал страницу за страницей, и всюду, чаще всего на фоне изразцовых печей или на верандах, бы-

ли изображены вполне достойные мумитролли. Ни один не напоминал тролля из шкафа.

«Должно быть, это ошибка, — подумал Муми-тролль, — он не может быть моим родственником».

Он взглянул на своего спящего отца. Только мордочка его напоминала морду тролля. Но, может, тысячу лет тому назад?..

Вдруг зазвенела хрустальная люстра. Она тихонько качалась взад-вперед, а в окутывающем ее тюлевым чехле что-то шевелилось: мохнатое, маленькое, с длинным черным хвостом, свисавшим прямо между хрусталиками.

— Это он, — пробормотал Муми-тролль. — Мой предок поселился на люстре в гостиной.

Но это вроде бы было не так опасно. Муми-тролль уже начал привыкать к чудесам волшебной зимы.

— Как поживаешь? — тихонько спросил он тролля.

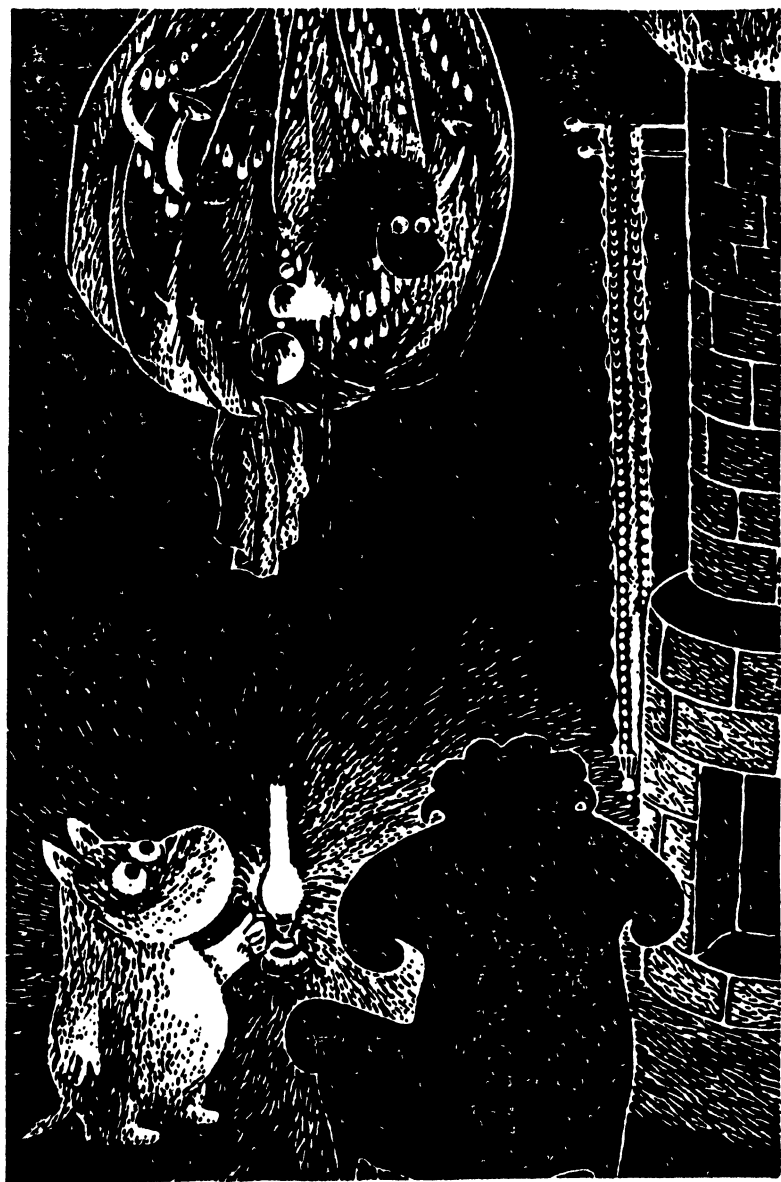
Тролль посмотрел на него сквозь тюль и помахал ушами.

— Будь поосторожней с хрустальной люстрой, — предупредил его Муми-тролль. — Это фамильная драгоценность.

Тролль, склонив голову набок, посмотрел на него внимательно, с нескрываемым любопытством.

«Сейчас он заговорит», — подумал Муми-тролль. И в тот же миг он страшно испугался: неужели предок что-нибудь скажет? А вдруг заговорит на иностранном языке, как тот зверек с косматыми бровями? А вдруг он рассердится и скажет «радамса» или что-нибудь еще в этом роде? И тогда их знакомству — конец.

— Тс-сс! — прошептал Муми-тролль. — Лучше ничего не говори!

Может, они все-таки родственники? А родственники, которые приходят в гости, могут остаться надолго. А тем более если это предок, он может остаться навсегда. Кто знает. И если вести себя неосторожно, он может тебя неправильно понять и рассердиться. Придется им тогда всю жизнь жить вместе со злым предком.

— Тс-сс! — повторил Муми-тролль. — Тс-сс!

Предок, ничего не отвечая, стал трясти хрустальную люстру.

«Я покажу ему наш дом, — подумал Муми-тролль. — Мама непременно бы это сделала, если бы какой-нибудь родственник явился к нам в гости».

Взяв лампу, он осветил красивую картину, которая называлась «Филифьонка у окна». Тролль посмотрел на картину и встряхнулся.

Муми-тролль прошел дальше, к плюшевому дивану, и осветил его лампой. Он показал троллю по очереди все стулья, зеркала в гостиной и трамвайчик из пенки — одним словом, все самое ценное и красивое, что было у семьи муми-троллей.

Троль все внимательно рассматривал, но явно не понимал, что ему показывают. В конце концов Муми-троль, вздохнув, поставил лампу на выступ печки.

Но тут троля явно что-то заинтересовало. Будто мешок с тряпьем, вывалился он из хрустальной люстры и беспокойно забегал вокруг печки. Он совал голову в отверстия печки и обнюхивал золу. Он очень заинтересовался вышитым бисером шнурком, с помощью которого открывали вьюшки, и долго тыкался носом в щелку между печкой и стеной.

«Должно быть, правда, что он — мой родственник, — разволновавшись, подумал Муми-троль. — Ведь мама всегда говорила, что наши предки жили за печкой...»

В этот миг зазвонил будильник, который Муми-троль обычно ставил на то время, когда наступали сумерки и когда он больше всего тосковал от одиночества.

Троль остолбенел, а потом бросился в печку, так что зола поднялась серым облаком ввысь. Через минуту он уже сердито загромыхал вьюшкой.

Муми-тролль выключил будильник и прислушался — сердце его колотилось. Но ничего больше не было слышно.

Немного сажу тихонько высыпалось из трубы, а шнурок вьюшки закачался.

Муми-тролль вылез на крышу, чтобы успокоиться.

— Ну, как тебе живется с дедушкой? — крикнула малышка Мю, съезжая с горки на санках.

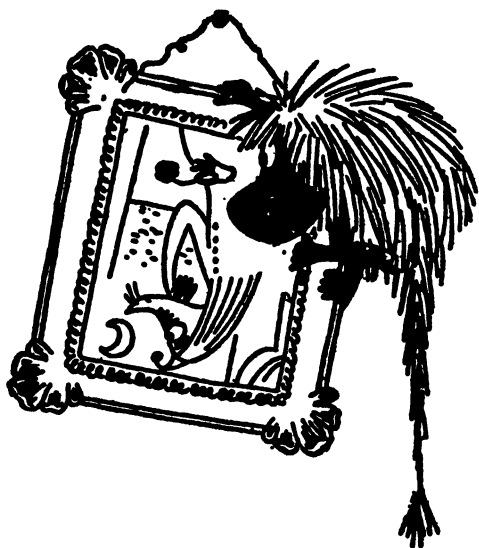
— Отлично! — с достоинством произнес Муми-тролль. — В таком древнем роду, как наш, все знают, как нужно себя вести.

Муми-тролль внезапно очень возгордился тем, что у него есть предок. И вдобавок его самолюбие приятно щекотало то, что у малышки Мю никакой родословной не было и что она скорее всего появилась на свет случайно.

В ту ночь предок Муми-тролля переставил мебель во всем доме. Делал он это совсем тихо, но удивительно энергично.

Он передвинул диван к печке и перевесил все картины. Те, которые нравились ему меньше, он повесил вверх но-

гами. (А может, это были как раз те картины, которые ему больше всех приглянулись. Кто знает!)

Мебель была передвинута, а будильник брошен в помойное ведро. Вместо этого тролль приволок с чердака кучу старого хлама и нагромоздил его вокруг печки.

Пришла Туу-тики и, взглянув на весь этот разгром, сказала:

— Я думаю, он хотел создать себе домашний уют. — Туу-тики потеряла нос. — Он пытался окружить печку

надежным частоколом, чтобы никто не мешал ему в ней жить.

— Но что скажет мама? — забеспокоился Муми-тролль.

Туу-тики пожала плечами.

— А зачем тебе понадобилось выпускать его из шкафа? — сказала она. — Во всяком случае, этот тролль ничего не ест. Страшно выгодно и для тебя, и для него. Попытайся отнестись ко всему этому как к забавной истории.

Муми-тролль кивнул.

Немного подумав, он залез в кучу ломаной мебели, пустых ящиков, рыбачьих сетей, рулонов бумаги, старых корзин и садовых инструментов. Очень скоро Муми-тролль понял, что там необычайно уютно. Он решил спать в корзине с древесной стружкой, стоявшей под испорченной качалкой.

По правде сказать, он все это время не чувствовал себя по-настоящему надежно в полутемной гостиной с пустыми окнами. А спящая семья навевала на него тоску.

Теперь же, в тесном пространстве между ящиком с пожитками, качалкой

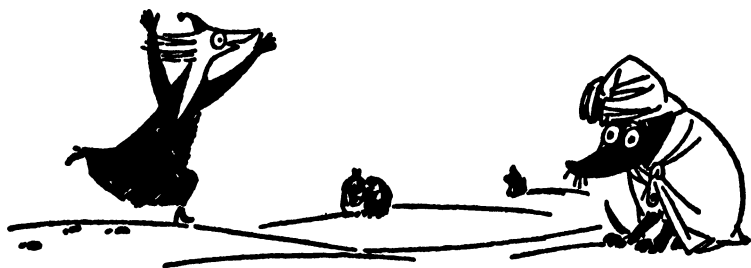
и спинкой дивана, он чувствовал себя совершенно уверенно и ни капельки не боялся одиночества.

Сквозь отверстия в дверце печки он видел частицу темного пространства, но, не желая мешать предку, утеплял стены своего нового жилища как можно тише.

Вечером он взял с собой лампу, лег и слушал, как в печке шуршит предок.

«Вот так и я, быть может, жил тысячу лет тому назад», — зачарованно думал Муми-тролль.

Он решил крикнуть в трубу что-нибудь такое дружеское, в знак тайного согласия. Но потом отказался от этой мысли, погасил лампу и, свернувшись калачиком, глубже зарылся в древесную стружку.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Одинокие гости

С каждым днем солнце все выше поднималось на небе. В конце концов оно поднялось так высоко, что несколько неярких лучей упало в долину. В этот знаменательный день после обеда в долине появился чужой — маленький тихий песик в рваной шерстяной шапчонке, надвинутой на глаза.

Он утверждал, что зовут его Юнк и что в дальних долинах кончилась еда. А с тех пор, как там побывала Ледяная дева, стало еще труднее раздобыть какую-нибудь снедь. Говорят, что некий хемуль в отчаянии слопал собственную коллекцию жуков, но, вероятно, это были только слухи. Скорее всего он слопал коллекцию своего товарища. Во всяком случае, в Муми-да-

лене появилось много пришлых... Кто-то пустил слух, что там есть рябина и целый погреб с вареньем. Хотя насчет варенья это, верно, тоже были только слухи...

Юнк уселся в снег на свой тощий хвост, и вся его печальная морда сморщилась.

— Мы едим уху, — сказала Туу-тикки. — И ни о каком погребе с вареньем я не слыхивала.

Муми-тролль бросил быстрый взгляд на круглый снежный сугроб за дровяным сараем.

— А погреб там! — вмешалась малышка Мю. — И там столько варенья, что можно объесться, и на всех банках указан год, когда оно сварено, а крышка обвязана красным шнурком!

— Я, между прочим, стерегу имущество мамы и папы, пока они спят, — сказал, покраснев, Муми-тролль.

— Само собой! — льстиво пробормотал Юнк.

Муми-тролль посмотрел на веранду, а потом на морщинистую морду Юнка.

— Ты любишь варенье? — сердито спросил он.

— Не знаю, — ответил Юнк.

Муми-тролль вздохнул и сказал:

— Ну ладно. Только помни: берите сначала самые старые банки.

Несколько часов спустя на мосту появилась целая толпа малюток, а в саду металась растерянная Филифьонка и жаловалась, что ее комнатные растения померзли, а кто-то съел все ее припасы. А по дороге в долину она встретила бессовестную Гафсу, которая сказала, что зима есть зима и надо позаботиться обо всем вовремя.

К вечеру вся долина так и кишела пришельцами, которые успели протоптать тропинки к погребу с вареньем. Те, кто крепче держался на ногах, отправились вниз, к морю, и поселились в купальне.

Только в пещеру никого не пустили. Малышка Мю заявила, что нельзя мешать Мюмле.

Перед домом муми-троллей сидели и канючили самые обездоленные.

Муми-тролль с керосиновой лампой в лапе вылез через слуховое окошко и осветил толпу.

— Можете войти в дом и переночевать, — пригласил он. — Ведь никогда

не знаешь, как поведут себя все эти мор-
ры и прочие, что слоняются вокруг.

— Мне не влезть по веревочной лест-
нице, — пожаловался какой-то старый
хомса.

Тогда Муми-тролль стал разгребать
снег перед входной дверью. Он трудился
с большим усердием. И когда длинный
узкий туннель в снегу, вырытый им,
уперся в стену дома, никакой двери там
не оказалось, а было только замерзшее
окно.

«Выходит, я рыл неправильно, — ска-
зал Муми-тролль про себя. — И если
я начну рыть новый туннель, могу опять
промахнуться».

Что же делать? Он осторожно разбил
оконное стекло, и гости влезли в дом.

— Не разбудите мою семью, — пред-
упредил Муми-тролль. — Здесь спит ма-
ма, там — папа, а там, чуть подальше, —
фрёкен Снорк. Мой предок спит в печке.
Вы можете завернуться в коврики и ска-
терти, потому что все одеяла мы одол-
жили знакомым.

Гости поклонились спящим, а потом
быстро завернулись в коврики и скатерти.

А самые маленькие заснули в шапках, домашних туфлях — словом, где придется.

Многие, простудившись, чихали, а кое-кто уже заскучал и просился домой.

«Вот ужас-то, — думал Муми-тролль. — Скоро погреб с вареньем опустеет. А что я скажу весной, когда мама с папой проснутся и увидят, что картины висят вверх ногами, а в доме полно народу?»

Он вылез обратно через туннель, чтобы посмотреть, не забыли ли они кого-нибудь во дворе.

Там светила луна да в снегу сидел один-одинешенек Юнк и выл. Вытянув морду вверх, к луне, он выводил длинную печальную песню.

— Почему ты не хочешь войти в дом и лечь спать? — спросил Муми-тролль.

Юнк посмотрел на него позеленевшими от лунного света глазами. Одно ухо у него стояло торчком, другое повисло. Казалось, он к чему-то прислушивался, и вся его морда застыла в ожидании.

И тут они оба услышали, как где-то далеко воют волки. Юнк мрачно кивнул и снова натянул на себя шапчонку.

— Это мои большие сильные братья! — прошептал он. — Если бы ты знал, как я по ним тоскую!

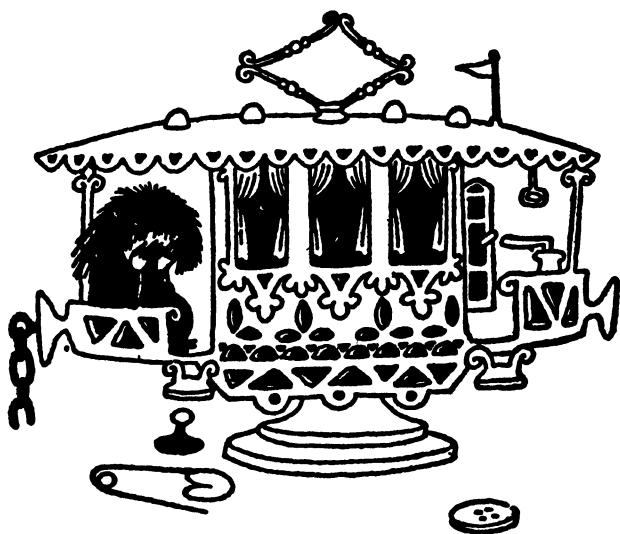
— А ты их не боишься? — спросил Муми-тролль.

— Боюсь, — ответил Юнк. — Печальнее этого ничего нет.

И Юнк свернул на протоптанную тропинку к купальне.

Муми-тролль снова влез в окно гостиной.

Какая-то малютка испугалась зеркала и всхлипывала, сидя в трамвайчике из пенки.

А так все было тихо.

«Как трудно им приходится, — подумал Муми-тролль. — Может, и не так уж страшно, что съели столько варенья. А банки, приготовленные на воскресенье, можно всегда припрятать... Ну те, что с клубничным вареньем... на время припрятать».

Однажды на рассвете долина пробудилась от чистых пронзительных звуков рога. Сидевшая на полу пещеры Мю стала притоптывать в такт ногами. Туу-тикки наострила уши, а пес Юнк, поджав хвост, уполз под скамейку.

Предок Муми-тролля сердито загрохотал печной вьюшкой, и большинство гостей проснулось.

Муми-тролль ринулся к окну, вылез в него и стал пробираться через снежный туннель.

При свете лучей бледного зимнего солнца с горного склона съезжал огромный хемуль. Он трубил в сверкающий медный рог и, казалось, чувствовал себя превосходно.

«Этот съест целую прорву варенья, — подумал Муми-тролль. (Интересно, что у него на ногах?)»

Хемуль положил рог на крышу дровяного сарая и снял лыжи.

— Хорошие у вас тут холмы, — сказал он. — А слалом у вас есть?

— Сейчас узнаю, — ответил Муми-тролль.

Он снова вошел в гостиную и спросил:

— Есть тут кто-нибудь по имени Слалом?

— Меня зовут Саломея, — прошептала малютка, испугавшаяся зеркала.

Муми-тролль подошел к Хемулю и сказал:

— По имени Слалом почти никого нет. Есть только одна по имени Саломея.

Но Хемуль, не слушая его, обнюхал папину табачную делянку.

— Хорошее место для жилья, — похвалил он. — Здесь мы построим снежный дом.

— Вы можете поселиться у меня, — чуть помедлив, сказал Муми-тролль.

— Нет, спасибо, — ответил Хемуль. — В доме спертый воздух, это вредно для здоровья. Мне нужен свежий воздух, много свежего воздуха. Мы сейчас же примемся за работу, чтобы не терять зря времени.

Между тем гости Муми-тролля малопомалу выбрались из дому и молча наблюдали за Хемулем.

— А вы не можете еще поиграть? — спросила крошка Саломея.

— Всему свое время, — бодро ответил Хемуль. — Сейчас мы поработаем.

Немного погодя все гости уже строили снежный дом на табачной делянке Муми-папы, а Хемуль в это самое время плескался в реке, и несколько замерзших малюток в ужасе смотрели на него.

Муми-тролль со всех ног помчался к купальне.

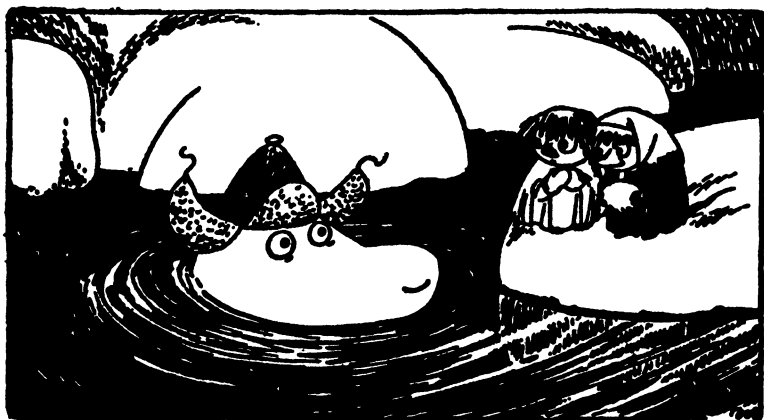
— Туу-тики! — закричал он. — Сюда приехал какой-то хемуль! Он думает поселиться в снежном доме; как раз сейчас он купается в реке.

— Ах вот что! Вот он какой, этот хемуль, — серьезно заметила Туу-тики. — Значит, конец мирной жизни в долине.

Она отложила в сторону удочку и пошла с Муми-троллем к дому.

По дороге они встретили малышку Мю, сиявшую в предвкушении новых событий.

— Видели, что у него на ногах? — воскликнула она. — Это называется лыжи! Я думаю сию же минуту раздобыть себе такие!

Дом Хемуля медленно вырастал. Гости работали не покладая лап, бросая тоскливые взгляды на погреб с вареньем.

Хемуль же после водных процедур занимался на берегу гимнастикой.

— Ну не удивительная ли это штука — холод! — бодро восклицал он. — Я никогда не бываю в такой отличной форме, как зимой. Не хотите ли тоже окунуться перед завтраком?

Муми-тролль смотрел на черную куртку Хемуля с лимонно-желтыми узорами и огорченно удивлялся, почему Хемуль не кажется ему симпатичным. Ведь он так тосковал, так тосковал по такому, как Хемуль, радостному и от-

крытому, а совсем не таинственному и скрытному.

А теперь он чувствовал, что Хемуль ему куда более чужой, нежели тот злой и непонятный зверек под кухонным столиком.

Он беспомощно взглянул на Туу-тики. Она, сдвинув брови и выпятив нижнюю губу, рассматривала свою варежку. И Муми-тролль понял, что Туу-тики тоже не нравится Хемуль. Тогда, повернувшись к Хемулю, он, терзаясь угрызениями совести, с наигранным дружеским любием сказал:

— Хорошо, наверное, быть любителем холодного купания?

— Холодная вода лучше всего на свете! — сияя, ответил ему Хемуль. — Она гонит прочь все досужие мысли и фантазии. Верь мне: самое опасное — запереться в четырех стенах.

— Правда?! — воскликнул Муми-тролль.

— От этого в голову лезут разные мысли, — сказал Хемуль. — Кстати, когда здесь обедают?

— Когда я наловлю рыбы, — угрюмо буркнула Туу-тики.

— Я не ем рыбы, — сообщил Хемуль. — Только овощи, зелень и ягоды.

— А клюквенное варенье? — с надеждой спросил Муми-тролль.

Большой кувшин разварившегося клюквенного варенья — единственный — еще оставался в погребе.

Но Хемуль ответил:

— Нет, лучше клубничное.

После еды Хемуль надел лыжи и влез на самый высокий склон холма, тот, что спускался в долину над самой пещерой. У подножия холма стояли все гости Муми-тролля и смотрели на Хемуля, не зная, что и думать.

Они топтались на снегу, время от времени утирая мокрые носы, — день выдался на редкость холодный.

Но вот Хемуль помчался вниз. Все затаили дыхание от ужаса. Посредине холма он сделал резкий поворот в сторону, подняв целую тучу сверкающих снежинок. Потом, заорав во все горло, так же резко повернул в другую сторону. На огромной скорости он делал повороты то в одну, то в другую сторону, и от его черно-желтой куртки рябило в глазах.

Крепко зажмурив глаза, Муми-троль подумал: «До чего же все, кто пришел сюда, разные».

Малышка Мю стояла на вершине холма и кричала от радости и восхищения. Она разломала деревянную бочку и крепко привязала к башмакам две доски.

— А теперь — я! — завопила она и, ни минуты не колеблясь, помчалась вниз с холма по прямой.

Муми-троль взглянул одним глазом вверх на нее и понял, что Мю справится. Ее маленькое недоброе личико выражало радость и уверенность, а ножки, словно палочки, твердо стояли на снегу. Муми-троль почувствовал прилив гордости.

Малышка Мю катила так бесшабашно, она неслась отчаянно, сломя голову и чуть не врезалась в сосну, пошатнувшись, но все-таки удержалась на ногах. И вот она уже внизу и, хохоча во все горло, плюхнулась в снег.

— Она — из моих самых старых друзей, — объяснил Муми-тролль Филифьонке.

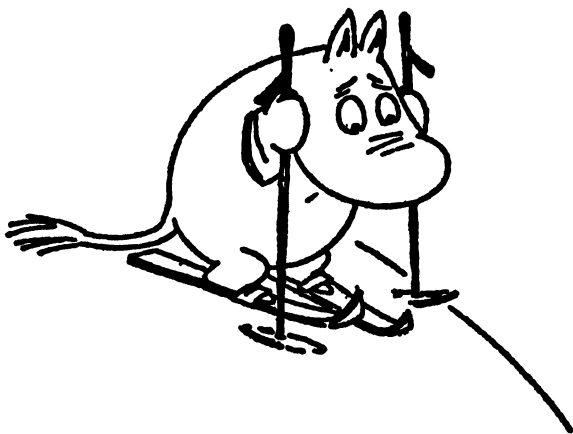
— Так я и думала, — кисло сказала Филифьонка. — Когда в этом доме подают кофе?

К ним крупными шагами подошел Хемуль. Он снял лыжи. Морда его лоснилась.

— А теперь мы научим Муми-тролля кататься на лыжах, — доброжелательно сказал он.

— Нет, спасибо, лучше не надо, — пробормотал Муми-тролль, отступив назад. Он быстро взглянул туда, где только что была Туу-тикки. Но она ушла, наверное, наловить рыбы на свежую уху.

— Главное, не надо бояться, — ободряюще сказал Хемуль, крепко привязывая лыжи к лапам Муми-тролля.

— Но я не хочу... — начал было несчастный Муми-тролль.

Малышка Мю посмотрела на него, высоко подняв брови.

— Ну ладно, — мрачно согласился Муми-тролль. — Но только не с очень высокого холма...

— Да нет, съедешь со склона, что ведет к мосту, — сказал Хемуль. — Согни колени! Наклонись вперед! Следи только, чтобы лыжи не разъезжались! Верхнюю часть туловища — прямо! Руки прижми к телу! Ну, все запомнил?

— Нет, — ответил Муми-тролль.

Его кто-то подтолкнул в спину, он закрыл глаза и поехал. Сначала лыжи

его широко разъезжались в стороны. Потом они скрестились, перепутались с лыжными палками, и на все это неуклюже упал Муми-тролль.

Среди зрителей началось оживление.

— Запасись терпением, — советовал Хемуль. — Вставай, дружок, попробуй еще раз.

— Ноги дрожат, — пробормотал Муми-тролль.

Да уж! Это было, пожалуй, не лучше одиночества. Даже солнце, о котором он так ужасно тосковал, светило прямо в долину и было свидетелем его унижения.

На этот раз мост у подножия холма стремительно ринулся к Муми-троллю, и он сильно задрал одну ногу вверх, чтобы удержать равновесие. Другая же его нога продолжала скользить сама по себе. Гости кричали «ура», полагая, что жизнь снова становится веселее.

Муми-тролль уже не понимал, куда едет, — вверх или вниз. Вокруг были лишь снег да несчастья. Под конец он повис на ивовом кусте, что рос на самом берегу реки, а хвост его полоскался в холодной воде. Весь мир был сплошной

мешаниной из лыж, лыжных палок и всевозможных неприятностей.

— Не падай духом! — ласково сказал Хемуль. — Давай еще раз!

Но этого «еще раз» больше не случилось, потому что Муми-тролль утратил мужество. Да, он в самом деле утратил мужество и еще долго потом часто мечтал о том, как все было бы, если бы он в третий раз торжественно съехал с холма. Он бы описал на мосту красивую дугу и с улыбкой повернулся бы к гостям. А они бы кричали от восторга. Но так не вышло.

Вместо этого Муми-тролль сказал:

— Я пошел домой. Катайтесь, если хотите, а я пошел домой.

И, ни на кого не глядя, он вполз через снежный туннель в свою теплую гостиную, в свое гнездо под креслом-качалкой.

Он слышал, как Хемуль орет во все горло на холме. Сунув голову в печку, Муми-тролль прошептал:

— Мне он все равно не нравится.

В ответ предок вышвырнул из печки немного сажки, может, он хотел выказать

свое расположение к потомку. А Муми-тролль начал спокойно рисовать кусочком угля на спинке дивана. Он нарисовал Хемуля, стоявшего вверх ногами в снежном сугробе, а в печке была припрятана большая банка с клубничным вареньем.

На следующей неделе Туу-тикки упрямо сидела подо льдом и удила рыбу. Рядом с ней под зеленоватым ледяным сводом сидели длинной цепочкой гости и тоже удили рыбу. То были гости, которым Хемуль пришлось не по нраву. А в доме семьи муми-троллей мало-помалу собрались все, кому не было дела до Хемуля и кто не в силах был или не смел ему это показать.

Ранним утром Хемуль просовывал голову через разбитое стекло и освещал всех факелом. Он обожал жечь факелы и сидеть у костра. Правда, кто же не любит жечь факелы и сидеть у костра, но Хемуль придавал всему этому необычайное значение.

Гости полюбили долгие беззаботные часы перед обедом, когда мало-помалу занимался день. А они тем временем бол-

тали о том, что им снилось ночью, и прислушивались к тому, как Муми-тролль варит на кухне кофе.

Все это портил только Хемуль. Он всегда начинал говорить, что воздух в доме спертый, и расписывал, как приятно жить в холодном снегу.

Затем начинал светскую болтовню о том, как можно провести наступивший новый день. Он делал все, чтобы обитателям долины было приятно, и всегда обижался, когда они отказывались развлекаться. Тогда он, похлопывая кого-нибудь по спине, говорил:

— Ну что же! Ничего, скоро поймете: я был прав.

А вот малышка Мю, единственная из всех, повсюду следовала за Хемулем по пятам. Он щедро учил ее всему, что знал сам, особенно — кататься на лыжах. И весь сиял от радости, что она делает такие быстрые успехи.

— Маленькая фрёкен, — говорил Хемуль, — вы прирожденная лыжница. Скоро вы меня перещегооляете!

— Об этом я и мечтаю! — откровенно признавалась малышка Мю.

Но стоило ей только выучиться хорошенько кататься на лыжах, как она тотчас же исчезла. Она стала кататься на своих, известных только ей, холмах и думать забыла о Хемуле.

Как бы там ни было, теперь все больше гостей забиралось под ледяной свод реки удить рыбу, и в конце концов на холме, где Хемуль обычно катался на лыжах, пестрела одна лишь его черно-желтая куртка.

Гостям долины не нравилось, когда их втягивали в какие-нибудь новые утомительные дела.

Им больше нравилось сидеть и болтать о том, как было прежде, пока не явилась Ледяная дева и не кончилась еда. Они рассказывали друг другу о том, какой мебелью обставляли они свои дома, и с кем они были в родстве, и с кем дружили, и как ужасно было, когда явилась великая лютая стужа и все переменялось.

Они жались ближе к печке и слушали друг друга, пока не наступал наконец их черед рассказывать.

Муми-тролль видел, что Хемуль становится все более и более одинок.

«Надо сделать так, чтобы он ушел прежде, чем сам это поймет, — думал Муми-тролль. — И прежде чем кончится варенье!»

Но не так-то просто было найти повод избавиться от Хемуля, повод, который был бы и надежным и приличным.

Иногда Хемуль съезжал вниз к морю и пытался выманить пса Юнка из купальни. Но Юнку вовсе не хотелось ходить на лыжах по холмам, не интересовали его и сани, в которые запрягают собак. Ночью он все больше времени

проводил под открытым небом и выл на луну, а днем хотел спать и клевал носом.

В конце концов Хемуль, оставив лыжные палки в сторону, умоляюще сказал:

— Я ужасно люблю собак. Я всегда мечтал о собственной собаке, которая бы тоже любила меня. Почему ты не хочешь поиграть со мной?

— Да я и сам не знаю, — пробормотал, краснея, Юнк.

И как можно скорее снова шмыгнул в купальню, где так хорошо мечталось о волках.

Вот с кем бы ему хотелось поиграть! Какое великое счастье было бы охотить-

ся вместе с волками, следовать за ними повсюду, делать все, что делают они, исполнять все их желания. И мало-помалу он бы одичал и стал таким же вольным, как они.

Каждую ночь, когда лунный свет мерцал в ледяных цветах и разводах оконных стекол, Юнк просыпался в купальне и садился, прислушиваясь. И каждую ночь, надвинув шапчонку на уши, он неслышно прокрадывался из купальни на берег.

Он всегда шел одной и той же дорогой, пересекал берег, поднимался на горный склон и брел на юг в лес. Он заходил так далеко, что лес редел, и он мог заглянуть в глубину Одиноких гор. Там Юнк садился в снег и ждал до тех пор, пока не раздавался волчий вой. Иногда волки были очень далеко, иногда ближе. Но были они почти каждую ночь.

И всякий раз, услышав их, Юнк задирал морду вверх и выл им в ответ.

На утренней заре он снова тайком пробирался домой, в купальню, заползал в шкаф и спал.

Однажды Туу-тикки, взглянув на него, сказала:

— Так ты никогда их не забудешь.

— А я не желаю их забывать, — ответил Юнк. — Потому-то я и хожу туда.

Довольно странно вела себя самая робкая из всех гостей долины, крошка Саломея, которая и вправду любила Хемуля. Она жила в постоянной надежде еще и еще раз услышать звуки рога. Но,

к сожалению, Хемуль был такой огромный и так всегда спешил, что никогда не замечал ее.

Как она ни торопилась подбежать к нему, Хемуль всегда уезжал на лыжах раньше, а если она иной раз успевала подойти, когда он начинал трубить в рог, то рог тут же смолкал и Хемуль принимался за что-нибудь новенькое.

Несколько раз крошка Саломея пыталась объяснить Хемулю, что она от него *в восторге*. Но она была слишком застенчива, а Хемуль никогда не умел слушать как следует.

Так что ничего серьезного ей так и не удалось ему сказать.

Однажды ночью крошка Саломея проснулась в трамвайчике из пенки, где на задней платформе она устроила себе постельку. Спать там рядом с пуговицами и английскими булавками, которыми семья муми-троллей в течение долгого времени наполняла трамвайчик — лучшее украшение своей гостиной, — было не очень-то удобно. А крошка Саломея, естественно, была слишком щепетильна, чтобы выбросить из трамвайчика то, что ей мешало.

И вот однажды ночью она услышала, как Туу-тики и Муми-троль разговаривают внизу, под креслом-качалкой, и тотчас поняла, что речь идет о ее любимом Хемуле.

— Так дальше невозможно, — произнес в темноте голос Туу-тики. — Нам нужно вернуть покой. С тех пор

как он начал трубить здесь в свой рог, мои мышки-музыканты отказываются играть на флейтах. А большинство моих друзей-невидимок перебрались на север. Все гости долины волнуются, они простудились, сидя целый день подо льдом. А Юнк прячется в шкафу до самой темноты. Кто-то должен сказать Хемулю, чтобы он ушел.

— Я не решаюсь этого сделать, — сказал Муми-тролль. — Он так уверен в том, что мы его любим.

— Тогда нужно обманом заставить его уйти, — посоветовала Туу-тикки. — Скажи ему, что холмы в Одиноких горах гораздо выше и лучше, чем здесь.

— Но там ведь нет холмов, где можно кататься на лыжах, — укоризненно возразил Муми-тролль. — Там одни лишь пропасти да зубчатые скалы, даже не покрытые снегом.

Крошка Саломея задрожала, слезы выступили у нее на глазах.

— Хемуль нигде не пропадет, — продолжала Туу-тикки. — Неужели лучше ждать того часа, когда он сам поймет, что мы его не любим. Сам посуди.

— Послушай, а может, ты сама скажешь ему обо всем? — жалобно попросил Муми-тролль.

— Он ведь живет в твоём саду, — ответила Туу-тики. — Освободи от него сад. Всем станет лучше. И ему тоже.

Потом разговор стих, и Туу-тики вылезла в окошко.

Крошка Саломея лежала без сна и смотрела в темноту. Так вот оно что! Они собираются прогнать Хемуля вместе с его медным рогом! Они хотят, чтобы он упал вниз, в пропасть. Оставалось одно: предупредить его об Одиноких горах. Но предупредить осторожно. Чтобы

он не понял, как все хотят от него отделаться. А иначе он огорчится.

Всю ночь крошка Саломея не спала и раздумывала. Ее маленькая головка не привыкла к таким сложным размышлениям, и под самое утро она имела неосторожность заснуть. Она проспала и утренний кофе, и обед, и никто, вообще-то говоря, о ней даже и не вспомнил.

Выпив кофе, Муми-троль поднялся на холм, с которого катались на лыжах.

— Привет! — воскликнул Хемуль. — Здорово, что ты пришел сюда! Давай я научу тебя делать совсем маленький простой поворот, ну совсем не опасный?

— Спасибо, только не сейчас, — ответил Муми-троль, чувствуя себя ужасно несчастным. — Я пришел поболтать.

— Вот здорово! — воскликнул Хемуль. — Вы ведь не очень-то болтливы, как я посмотрю. Стоит мне появиться, как вы замолкаете и удираете прочь.

Муми-троль быстро взглянул на него, но на морде Хемуля были написаны лишь любопытство и радость. Тогда, облегченно вздохнув, Муми-троль сказал:

— Дело в том, что в Одиноких горах попадаются совершенно удивительные холмы.

— Вот как? — спросил Хемуль.

— Да, да! Необыкновенные! — возбужденно продолжал Муми-тролль. — Они тянутся то вверх, то вниз и просто необыкновенны!

— Надо бы поглядеть. Но путь туда неблизкий. Если я отправлюсь в Одинокие горы, может статься, мы не встретимся нынешней весной. А жаль, не правда ли?

— Ага! — соврал Муми-тролль и густо покраснел.

— Но подумать об этом во всяком случае стоит, — продолжал размышлять вслух Хемуль. — Это была бы жизнь на диких пустошах. Большие, сложенные из бревен костры по вечерам и новые победы над горными вершинами каждое утро! Долгие пробежки в ущельях и лощинах, покрытых мягким, нетронутым снегом, который скрипит, когда его разрезают лыжи...

Хемуль погрузился в мечты.

— Как любезно с твоей стороны, что ты думаешь о том, как я катаюсь на лыжах, — с благодарностью сказал он.

Муми-тролль посмотрел на него. Нет, больше так нельзя.

— Но холмы в Одиноких горах опасны! — воскликнул он.

— Только не для меня! — ответил Хемуль. — Как мило, что ты боишься за меня, но я люблю холмы!

— Ведь эти холмы просто ужасны! — воскликнул Муми-тролль. — Они спускаются прямо в пропасть и даже не покрыты снегом! Я сказал неправду! Теперь я вдруг вспомнил, что там совсем нельзя кататься!

— Ты уверен в этом? — удивленно спросил Хемуль.

— Поверь мне! — умолял Муми-тролль. — Милый Хемуль, останься с нами. Я как раз думал научиться ходить на лыжах.

— Ну ладно! — согласился Хемуль. — Если вам так хочется удержать меня здесь, я останусь.

Беседа с Хемулем страшно взволновала Муми-тролля, и он не мог идти домой. Вместо этого он спустился с холма и пошел вдоль морского берега, сделав большой крюк вокруг купальни.

Он шел, испытывая все большее и большее облегчение. В конце концов он почти развеселился; посвистывая и пиная, гнал он перед собой кусок льда. И тут вдруг начал медленно падать снег.

Муми-тролль никогда прежде не видел снегопада и потому очень удивился.

Снежинки одна за другой ложились на его теплый нос и таяли. Он ловил их лапой, чтобы хоть на миг восхититься их красотой, он задирал голову и смотрел, как они опускаются на него; они были мягче и легче пуха, и их становилось все больше и больше.

«Так вот как, оказывается, это бывает, — подумал Муми-тролль, — а я-то считал, что снег растет снизу, из земли».

Воздух сразу потеплел. Кругом ничего, кроме падающего снега, не было видно, и Муми-тролля охватил такой же восторг, как бывало летом, когда он переходил вброд озеро. Сбросив купальный халатик, он во всю длину растянулся в снежном сугробе.

«Зима! — думал он. — Ведь ее тоже можно полюбить!»

За окном уже стемнело, когда крошка Саломея в страхе проснулась: она что-то прозевала. И сразу вспомнила Хемуля.

Она спрыгнула с комода сначала на стул, а потом на пол. Гостиная была пуста, потому что все были внизу, в купальне, и обедали. Саломея вылезла в окошко и, задыхаясь от слез, ринулась через снежный туннель к дому.

Не было ни луны на небе, ни северного сияния! Только густо падающий снег — он залеплял глаза и платье, идти становилось все труднее. Крошка Саломея приковыляла к снежному дому

Хемуля и заглянула туда. В доме было темно и пусто.

Тут Саломею охватил страх, и, вместо того чтобы подождать, она кинулась навстречу вьюге.

Она звала своего обожаемого Хемуля, но это было совершенно напрасно — все равно что пробовать докричаться через подушки, набитые перьями. А ее едва заметные следы мгновенно засыпал падающий снег.

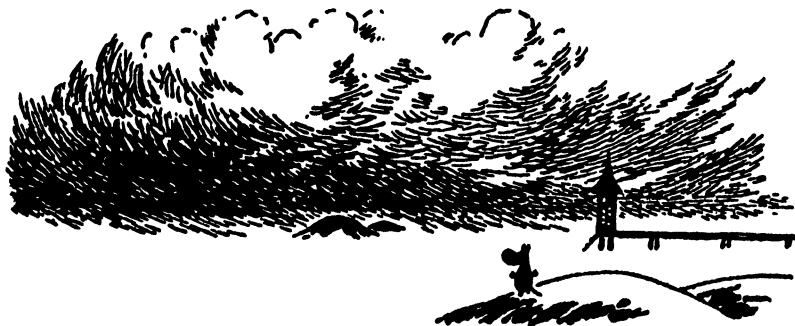
Поздно вечером снегопад прекратился.

Снег опустился на землю, и горизонт, словно кто-то отдернул легкую занавеску, очистился до самого моря. И уже там, над ним, темно-синяя гряда облаков закрыла заходящее солнце.

Муми-тролль смотрел на надвигающуюся с моря непогоду. Казалось, будто перед последним трагическим актом пьесы поднялся занавес. Сцена, белоснежная и пустынная, простиралась до самого горизонта, а над берегом быстро спускалась морозная темнота. Муми-тролль, никогда не видевший снежной вьюги, думал, что бушует гроза. Он решил во что бы то ни

стало не пугаться, когда раздадутся первые глухие раскаты грома.

Но гром не загремел. Даже молнии не засверкали.

Зато с белой макушки одной из скал, тянувшихся вдоль берега, метнулся ввысь слабый снежный вихрь.

Легкие порывы беспокойного ветерка поспешно перебегали взад-вперед по льду и, уносясь вдаль, шептались в прибрежном лесу. Темно-голубая гряда облаков росла, ветер становился все сильнее.

Внезапно Муми-троллю показалось, будто распахнулась какая-то огромная дверь, ветер ворвался в нее, тьма разинула свою пасть, и все наполнилось летящим мокрым снегом.

Снег уже не падал сверху, а с невероятной силой носился над землей, он завывал, он толкал, валил с ног, словно живое существо.

Потеряв равновесие, Муми-тролль упал. Снег залепил ему глаза, набился в уши. Муми-троллю стало страшно.

Время и весь мир куда-то исчезли, не за что было ухватиться, и ничего не было видно, остался лишь заколдованный вихрь пляшущей влажной мглы.

Если бы на берегу случайно оказался кто-нибудь сведущий и разумный, он мог бы сказать, что наступает весна, которая будет долгой.

Но никого такого на берегу не оказалось; там был только один-единственный растерявшийся Муми-тролль, который, барахтаясь в снегу, полз на четвереньках навстречу ветру, совсем не в ту сторону, куда ему было нужно.

Он все полз и полз, а снег уже целым сугробом лежал на его мордочке. Теперь Муми-тролль ни капельки не сомневался в том, что зима придумала эту метель: ведь ей надо раз и навсегда доказать, что от нее все равно не спастись.

И надо же было сначала обмануть его роскошным хороводом падающих пушистых снежинок, а потом устроить вьюгу и бросить весь этот красивый снег ему в мордочку. И как раз тогда, когда он подумал, что начинает любить зиму.

Мало-помалу Муми-троль разозлился.

Он поднялся и попытался было кричать на ураган. Он бил снег и слегка повизгивал — ведь все равно никто не мог его услышать.

А потом устал и повернулся к снежному бурану спиной. Ветер тут же унялся,

и только тогда Муми-тролль почувствовал: ветер теплый! Он увлек Муми-тролля за собой, сделал его таким легким, что Муми-троллю казалось, будто он летит.

«Я — одно целое с ветром и непогодой, я — частица снежной бури, — подумал растроганный Муми-тролль. — Это почти как летом. Борешься с волнами, а потом поворачиваешься, позволяешь швырнуть себя прямо в прибой и отправляешься в плавание, словно бутылочная пробка; в пене морской играют сотни маленьких радуг, а ты, чуть испуганный, смеяшь, причаливаешь к пустынному берегу».

Муми-тролль распростер лапы и полетел.

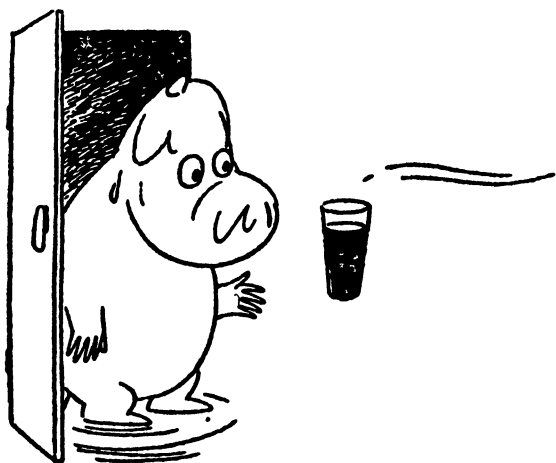
«Пугай себе, зима, сколько влезет, — в восторге думал он. — Теперь я тебя раскусил. Ты не хуже всего остального, только тебя надо узнать. Теперь тебе меня больше не обмануть!»

А зима неслась вместе с ним далеко-далеко по всему берегу, пока Муми-тролль не уткнулся носом в сугроб на заснеженном причале и не увидел слабый свет, падавший из окошка купальни.

— Вот оно что, я спасен, — сказал озадаченный Муми-тролль.

Как жаль, что все самое интересное кончается тогда, когда его перестаешь бояться и когда тебе, наоборот, уже становится весело.

Он открыл дверь, и навстречу снежной буре хлынула волна теплого пара.

Муми-тролль с трудом разглядел, что купальня битком набита народом.

— Вот явился! Это один из их компании! — крикнул кто-то.

— А кто еще из нашей компании? — спросил Муми-тролль, протирая глаза от залепившего их снега.

— Крошка Саломея заблудилась в снежном буране, — серьезно сказала Туу-тики.

— Спасибо! — кивнул Муми-тролль мышкам-невидимкам и сказал: — Но ведь крошка Саломея никогда не выходит из дому.

— Мы тоже никак не можем этого понять, — сказал Хомса Старший. — А искать ее не стоит, пока буря не уймется. Крошка Саломея может быть где угодно, и скорее всего ее засыпало снегом.

— А где же Хемуль? — спросил Муми-тролль.

— Он отправился ее искать, — сообщила Туу-тики. И, ехидно усмехнувшись, добавила: — Вы с ним, кажется, говорили об Одиноких горах?

— Ну и что, — пылко возразил Муми-тролль.

Туу-тики ухмыльнулась еще сильнее.

— Ты умеешь замечательно уговаривать, — сказала она. — Хемуль поведал нам, что холмы в Одиноких горах очень жалкие и кататься на лыжах там просто невозможно. Он страшно рад, что мы так любим его.

— Но я думал... — начал было Му-ми-тролль.

— Успокойся, — примирительно сказала Туу-тикки. — Может статься, мы и вправду его полюбим.

Вполне возможно, что Хемуль был толстокожим и не всегда понимал, что нравится и что не нравится тем, кто его окружает. Зато нюх на погоду был у него получше, чем у пса Юнка. (К тому же нюх Юнка как раз теперь притупили тоска и раздумье.)

Хемуль отыскал на чердаке пару старых теннисных ракеток и приспособил их вместо снегоступов. Он спокойно топал по снегу сквозь пургу, шаря глазами по белой равнине, и, принюхиваясь, пытался найти самое маленькое на свете существо.

Ему пришло в голову зайти в свой снежный дом, и там он уловил запах крошки Саломеи.

«Крошка была здесь и искала меня, — добродушно подумал Хемуль. — А зачем?..»

Он вдруг смутно вспомнил, как крошка Саломея пыталась ему что-то ска-

зять, но очень застеснялась и не посмела.

И пока он протаптывал себе дорогу в снежном буране, одна картина за другой вставали в его памяти: вот крошка ожидает его на горке... вот бежит по следу... вот обнюхивает медный рог...

И Хемуль смущенно подумал: «А ведь я был с ней невежлив!»

Он не мучился угрызениями совести — такое с хемулями случается редко, — но ему еще больше захотелось найти крошку Саломею.

Тогда он встал на колени в снегу, чтобы удостовериться, не потерял ли ее след.

След беспорядочно петлял, как бывает у мелких зверьков, когда они не помнят себя от испуга. В какой-то миг крошка была на мосту, страшно близко к краю. Потом след ее пошел вверх по склону и исчез на холме.

Хемуль подумал немного — а для него это было достаточно трудно — и начал разгребать снег на холме. Он рыл очень долго. И наконец нащупал что-то очень маленькое и теплое.

— Не бойся, — сказал Хемуль. — Это я.

Он сунул малютку за пазуху между фуфайкой и курткой из меха ламы, под-

нялся на ноги и зашлепал дальше на своих снегоступах.

А вообще-то он сразу забыл про крошку Саломею и думал теперь лишь о стакане подогретого сока.

На другой день, в воскресенье, ветер улегся. Было тепло, пасмурно, и все чуть ли не по колено утопали в снегу.

Вся долина, озаренная луной, казалась игрушечной. Одни сугробы походили на

огромные круглые булки, другие образовали красиво изогнутые горные гряды с остроконечными вершинами. На каждый куст была надета большая снежная шляпа. А деревья выглядели как гигантские торты, придуманные кондитером с удивительной фантазией.

В виде исключения все гости высыпали на снег и устроили настоящую войну снежками. Варенье уже почти кончилось, но оно все же придало гостям сил, их лапы окрепли.

Хемуль сидел на крыше деревянного сарая и трубил в свой медный рог, а рядом с ним сидела счастливая крошка Саломея.

Он играл «Марш хемулей» и закончил свою любимую пьесу особенно замысловатым пассажем. Потом, повернувшись к Муми-троллю, сказал:

— Ты только не расстраивайся, но я все же поеду в Одинокие горы. А следующей зимой обещаю научить тебя кататься на лыжах.

— Я ведь говорил тебе... — огорченно начал Муми-тролль.

— Знаю, знаю, — прервал его Хемуль. — Тогда в Одиноких горах было

именно так. Но после снежного бурана холмы там стали просто замечательные. И подумать только, сколько там свежайшего воздуха!

Муми-троль взглянул на Туу-тикки.

Она кивнула. Это означало: «Пусть едет. Все разъяснилось и наладится само собой».

Муми-троль вошел в дом и открыл печную вьюшку. Сначала он тихонько по-

звал своего предка неназойливым опознавательным сигналом, звучавшим примерно так: «Тиу-уу, тиу-уу». Предок не отвечал.

«Я совсем забыл про него, — подумал Муми-тролль. — Но то, что происходит сейчас, в самом деле гораздо интереснее, чем то, что было тысячу лет назад».

Он вытащил из печки большую банку клубничного варенья. А потом написал кусочком угля на бумажной наклейке. «Моему старому другу Хемулю».

В тот вечер Юнку пришлось пробираться целый час по снегу, прежде чем он добрался до своей ямки, где обычно сидел и тосковал. Всякий раз, когда пес сидел здесь тоскуя, ямка печали становилась чуть больше, но теперь она вовсе утонула в снегу.

Одинокие горы от подножий до вершин были одеты снегом и раскинулись перед Юнком во всей своей роскошной белизне. Ночь была безлунная, но звезды необычайно ярко светили во влажном воздухе. Далеко-далеко глухо прогрехотал снежный обвал. Юнк уселся в ямку

и стал ждать волков. Этой ночью ему пришлось ждать долго. Он представлял себе, как волки бегут по заснеженному полю — серые, сильные, огромные — и как они внезапно останавливаются, заслышав его вой на опушке леса.

А может, они думают: «Там, вдалеке, у нас есть товарищ. Двоюродный брат, с которым неплохо было бы познакомиться...»

Мысль об этом взволновала Юнка, и фантазия его вдруг дерзко разыгралась. Пока пес ждал, он вышивал свою мечту красочными узорами. Вот стая волков внезапно появляется где-то на дальней горной гряде. Они бегут к нему. Они виляют хвостами...

Тут Юнк вспомнил, что настоящие волки никогда не виляют хвостами. Но это не важно. Во всяком случае, они бегут к нему, они его узнали... Они решили наконец позволить ему сопровождать стаю...

Однако, если бы мечта Юнка осуществилась, ему грозила бы опасность. И мысль об этом ошеломила одинокого пса; подняв морду к звездам, подавленный тоской Юнк завыл.

И вдруг волки ответили ему.

Они были так близко, что Юнк испугался. Он сделал неловкую попытку зарыться в снег. Повсюду вокруг него зажглись огоньками волчьи глаза.

Теперь волки замолчали. Они окружили Юнка кольцом, и кольцо это все сжималось и сжималось.

Виляя хвостом, Юнк заскулил, но никто ему не ответил. Он снял свою шерс-

тяную шапчонку и подбросил ее в воздух, желая показать, что он охотно поиграл бы с волками и что вообще он совсем безобидный пес.

Но волки даже не посмотрели на его шапчонку. И внезапно Юнк понял, как он ошибся! Волки вовсе не его братья, и с ними не поиграешь.

«Волки съедят меня в два счета, и я едва ли успею раскаться в том, что вел себя как круглый дурак, — подумал Юнк и перестал вилять хвостом. — Как жаль, а ведь я бы мог спокойно спать по ночам, вместо того чтобы сидеть в снегу и тосковать до слез...»

Волки подходили все ближе.

И тут вдруг в лесу раздался звонкий звук медного рога. То была гремющая музыка духового инструмента, музыка, от которой с деревьев посыпался снег и заморгали желтые волчьи глаза. В одну секунду опасность миновала, и только шерстяная шапчонка осталась лежать на снегу рядом с Юнком. А с горного склона на широких снегоступах, с трудом волоча ноги, спускался Хемуль.

В походном мешке Хемуля лежала согретая теплом сонная крошка Саломея, прислушиваясь к музыке рога.

— Ты что тут сидишь, песик? — спросил Хемуль. — Долго ждал меня?

— Нет, — ответил Юнк.

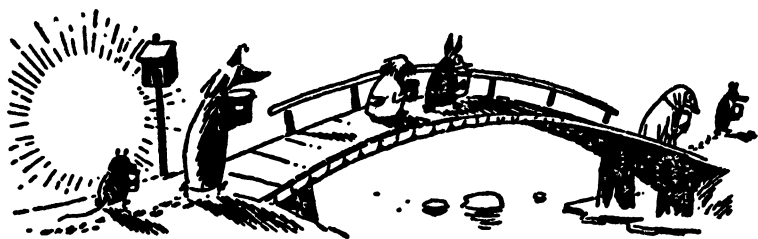
— Скоро мы перейдем на твердый снежный наст, — радостно сообщил Хемуль. — А когда мы доберемся до

Одиноких гор, я дам тебе теплого молока из термоса.

И Хемуль, не оглядываясь, побежал дальше.

Юнк брел следом за ним. Ему показалось, что это будет самое правильное. Иначе он поступить не мог.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Первая весна

После первой весенней бури в долину пришли беспокойство и перемены. Гости еще сильнее затосковали по дому. Один за другим отправлялись они в путь, чаще всего — ночью, когда снежный наст твердый и по нему легче идти. Кое-кто смастерил себе лыжи, и каждый захватил на дорогу хотя бы маленькую баночку с вареньем. Уходившие последними поделили между собой банку клюквенного варенья.

Вот и самые последние гости перешли мост, и погреб с вареньем совсем опустел.

— Теперь мы остались втроем, — сказала Туу-тики, — ты, я да малышка Мю. А все таинственные, загадочные существа спрятались до следующей зимы.

— Я так и не разглядел того, с серебристыми рогами, — вздохнул Муми-тролль. — И тех малюток с длинными ногами, которые скользили по льду. Или то черное с необычайно огромными глазами, что перелетело через костер.

— Их царство — зима, — объяснила Туу-тики. — Разве ты не видишь, что скоро наступит весна.

Муми-тролль покачал головой.

— Еще рано. Я не узнаю ее, — сказал он.

Но Туу-тики вывернула наизнанку свою красную шапчонку — подкладка ее оказалась нежно-голубой.

— Я всегда выворачиваю наизнанку шапчонку, когда нос мой чует весну, — проговорила она. И, усевшись на крышу колодца, запела примерно так:

*Я — Туу-тики,
чую носом теплые ветры.
Теперь налетят великие бури.
Теперь понесутся грохочущие лавины.
Теперь я переверну всю землю,
так что все станет по-другому,
и все смогут снять шерстяные вещи
и положить их в шкаф.*

Однажды вечером Муми-тролль возвращался из купальни и вдруг замер посреди дороги и наострил уши.

Стояла облачная теплая ночь, полная трепета и шорохов. Деревья давно стряхнули с себя снег, и Муми-тролль слышал, как колышутся в темноте их ветви.

Издалека, с юга, налетел сильный порыв ветра. Муми-тролль почувствовал, как ветер с шумом промчался мимо него по лесу к противоположному склону горы.

Каскад водяных капель обрушился с деревьев в темнеющий снег, и Муми-тролль, подняв нос, принялся.

Может, это был запах земли. Муми-тролль внимательно посмотрел на своих спящих папу и маму. Он подержал лампу и над Фрёкен Снорк, задумчиво разглядывая ее челку, блестящую при свете лампы. Фрёкен Снорк действительно была очень мила. Как только она проснется, она тут же кинется к шкафу и вытащит свою зеленую весеннюю шляпу. Так она делала всегда.

Муми-тролль поставил лампу на выступ изразцовой печи и оглядел гостиную. Комната, по правде говоря, выглядела

ужасно. Много вещей было раздарено, взято на время или попросту украдено каким-нибудь легкомысленным гостем.

А те вещи, что еще остались, находились в невообразимом беспорядке. Кухня была завалена немытой посудой. Огонь в печи парового отопления угасал, потому что кончились дрова. Погреб с вареньем опустел. Оконное стекло разбито.

Муми-тролль погрузился в раздумье.

С крыши дома начал медленно сползать мокрый снег. И когда он падал, раздавался грохот. В верхней части окошка, выходившего на юг, внезапно показался клочок пасмурного ночного неба.

Подойдя к парадной двери, Муми-тролль потрогал ее. Ему показалось, что она чуть-чуть подалась. Тогда, упершись лапами в пол, он стал толкать ее изо всех сил.

Медленно-медленно отодвигая огромные снежные сугробы, входная дверь отворялась.

Муми-тролль не сдавался — и вот дверь распахнулась навстречу ночи. Ветер ворвался прямо в гостиную. Он смел пыль с люстры, окутанной тюлем,

взметнул золу в печи. Потом чуть приподнял глянцевые картинки, крепко приклеенные к стенам. Одна из них отклеилась и вылетела за дверь.

В комнате стоял запах ночи, хвойного леса, и Муми-тролль подумал: «Вот хорошо! Надо время от времени проветривать своих родственников».

Выйдя на крыльцо, он стал вглядываться во влажную мглу.

— Теперь у меня есть все, — сказал Муми-тролль самому себе. — Весь год в моем распоряжении. И зима тоже. Я — первый в мире муми-тролль, который прожил, не погрузившись в зимнюю спячку, целый год.

Собственно говоря, тут бы и следовало завершить эту зимнюю сказку. Рассказ о первой весенней ночи и о ветре, ворвавшемся в гостиную, в своем роде эффектная концовка. А там придумывай себе на свободе, что было дальше. Но на самом деле это означало бы самый обыкновенный самообман.

Разве можно наверняка знать наперед, что скажет, например, мама, когда

проснется? И останется ли предок мумитроллей в изразцовой печи? И успеет ли вернуться Снусмумрик до того, как будет написана последняя страница этой книги? И расстроится Дочь Мюмлы, лишившись картонной коробки? И где будет жить Туу-тикки, когда купальня снова станет купальней? И еще останется выяснить множество других вопросов.

Так что, пожалуй, правильнее всего продолжить рассказ.

Ну а самое главное — это ледоход; такое замечательное событие обойти никак нельзя.

И вот наступил таинственный месяц. Он принес яркие солнечные дни, капель с крыш, ветры и мчащиеся тучи, лютую стужу по ночам, твердый снежный наст

и ослепительный лунный свет. Муми-тролль бегал по долине вне себя от гордости и ожидания.

Пришла весна, но вовсе не такая, какую он себе представлял. Вовсе не та весна, что освободила его от чуждого и враждебного мира, а весна — естественное продолжение того нового и удивительного, что он преодолел и с чем сумел освоиться.

Муми-тролль надеялся, что весна будет долгой и он сможет сохранить чувство ожидания как можно дольше. Каждое утро он почти боялся величайшего чуда — а вдруг кто-то из его семейства проснется.

Он осторожно передвигался по гостинной, боясь на что-нибудь наткнуться. А потом мчался в долину, вдыхал новые запахи и смотрел, что случилось за это время.

С южной стороны дровяного сарая начал оголяться клочок земли. Березки оделись нежной красноватой дымкой, видной только на расстоянии. Солнце припекало сугробы, которые стали совсем прозрачными и потрескивали,

точно стекло. А лед потемнел, словно сквозь него просвечивала морская синева.

Малышка Мю по-прежнему каталась на самодельных коньках — всюду, где еще можно было кататься. Вместо крышек от банок она приспособила к ботинкам поставленные ребром кухонные ножи.

Муми-троль видел даже восьмерки, которые она выписывала своими конь-

ками, но саму малышку Мю никогда не встречал.

Она всегда умела развлекаться одна, и что бы она ни думала о весне и как бы она ей ни нравилась, у малышки Мю не было ни малейшего желания высказываться по этому поводу.

Туу-тики занималась весенней уборкой в купальне.

Она дочиста выскребла все красные и зеленые оконные стекольца, чтобы первой весенней мухе было приятно сесть на них, она развесила на солнце купальные халаты и попыталась починить резинового хемуля.

— Теперь купальня снова станет купальней, — сказала она. — Чуть позднее, когда наступит тепло и все зазеленеет, ты будешь лежать на нагретых солнцем мостках купальни и слушать, как волны плещутся о берег...

— Почему ты не говорила об этом зимой? — спросил Муми-тролль. — Это утешило бы меня. Я сказал: «Здесь росли яблоки». А ты ответила: «Теперь здесь растет снег». Разве ты не поняла, что я сразу захандрил?

Туу-тикки пожала плечами.

— Нужно доходить до всего своим умом, — сказала она, — и переживать все тоже одному.

Солнце припекало все жарче.

Оно пробуравило небольшие ямки и каналыцы во льду, и море подо льдом, волнуясь, стремилось вверх.

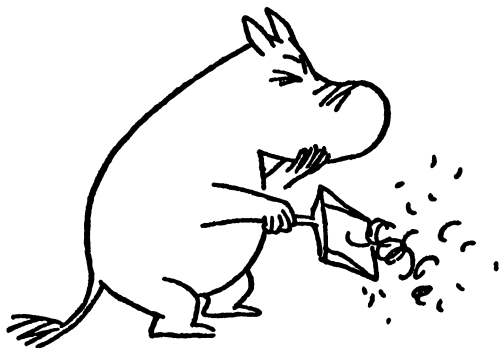
На горизонте странствовали взад-вперед бури и ураганы.

По ночам Муми-тролль слышал, как в спящем доме что-то щелкает и трещит.

Предок не подавал признаков жизни. Он закрыл за собой печные вьюшки и, быть может, перенесся в другие времена, те, что были тысячу лет назад. Шнурок от вьюшки, вместе с кисточкой, бисером и прочей роскошью, исчез в щелке между изразцовой печью и стеной.

«Шнурок ему понравился», — подумал Муми-тролль. Теперь он уже больше не спал в корзине с древесной стружкой, а перебрался на свою кровать. По утрам солнце все глубже и глубже заглядывало в гостиную, удивленно освещая паутину и хлопья пыли. Самые крупные, сбившиеся в клубок хлопья

Муми-тролль выносил на веранду, а мелким и легким позволял кататься взад-вперед как им вздумается.

В полдень земля под окном, выходящим на юг, нагрелась. В глубине ее зашевелились коричневые луковицы цветов и крохотные корни растений, которые жадно впитывали тающий снег.

А однажды, ветреным днем, до того, как наступить сумеркам, послышался сильный и величественный грохот в открытом море.

— Ага, — сказала Туу-тики, ставя чашку с чаем на стол. — Вот и весенняя канонада.

Лед медленно вздыбился, и снова раздался грохот.

Муми-тролль выскочил из купальни и стоял, прислушиваясь, на теплом ветру.

— Посмотри, вот наступает море, — сказала за его спиной Туу-тикки.

Далеко-далеко в море шипели белопенные волны, сердитые, голодные, поглощавшие одну за другой глыбы зимнего льда.

Но вот ближе к берегу лед раскололся, черные трещины разбежались в разные стороны, а потом исчезли из вида. Море вздыбилось снова. И снова по льду разбежались трещины. Они становились все шире и шире.

— А я знаю кого-то, кто очень спешит, — сказала Туу-тикки.

Конечно, это была малышка Мю. Без нее уж никак было не обойтись. Она наверняка заметила: что-то происходит, и ей нужно было все как следует разглядеть даже там, где море очистилось ото льда. Она подкатила к самому краю льдины и выписала лихую восьмерку у самого рокочущего моря.

Затем, повернувшись, быстро помчалась по треснувшим льдинам.

Сначала трещины были совсем тонкими. Но они уже издалека предупреждали: «Опасно».

Лед вздымался и опускался, а порой раздавался настоящий празднично-разрушительный салют, от которого по спине восхищенной малышки Мю пробежал холодок.

«Только бы эти болваны не вздумали выйти на лед спасти меня, — подумала она. — Они только испортят мне праздник».

Она помчалась так, что кухонные ножи чуть не сплющились, но берега все равно не было видно.

Теперь трещины расширились и превратились в реки. На лед плеснула маленькая сердитая волна.

Внезапно море наполнилось качающимися ледяными островками, бесконечно ударявшимися друг о друга. На одном из таких островков застряла малышка Мю. Она видела, как полоса воды вокруг нее все расширяется, и, не очень-то испугавшись, подумала: «Вот так хорошенькая история!»

Муми-троль тут же ринулся ее спасать.

А Туу-тикки, поглядев еще немного, пошла в купальню и поставила воду на огонь. «Да, да, — думала она, вздыхая. — Вот так бывает всегда в приключенческих повестях. Все только и делают, что спасают друг друга и спасаются сами. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь когда-нибудь написал о той, кто пытается потом согреть героев».

Муми-троль бежал по льдине, а рядом с ним, не отставая ни на шаг, бежала маленькая трещина, с которой он не спускал глаз. Муми-троль чувствовал: в море поднялась мертвая зыбь и льдина вздыбилась, потом она треснула и начала качаться.

Малышка Мю спокойно стояла на своем ледяном островке, разглядывая прыгающего по льдине Муми-тролля.

Он был похож на подскакивающий резиновый мячик, а глаза у него от страха, любопытства и напряженного ожидания были круглые, словно шарики. Когда он остановился возле малышки Мю, она, протянув к нему лапку, сказала:

— Посади меня к себе на голову, чтоб я могла поскорее соскочить, когда увижу, что ты гибнешь.

Крепко схватив его за уши, она закричала:

— К берегу, поворот!

Муми-тролль бросил быстрый взгляд в сторону купальни. Из трубы вился дымок, но никто не стоял на мостках причала, и никто не беспокоился о них с Мю. Муми-тролль помедлил минутку, чувствуя, как от разочарования у него внезапно устали ноги.

— Полный вперед! — опять закричала малышка Мю.

И, стиснув зубы, Муми-тролль устремился вперед. Лапы у него дрожали от усталости, и всякий раз, перескакивая на новую льдину, он чувствовал, как вода холодным душем окатывает ему живот. Но он бежал и бежал.

Море вскрылось ото льда, и волны танцевали вальс.

— Подпрыгивай вместе с волнами, — разорялась малышка Мю. — Вот еще одна волна... Ты чувствуешь ее под лапами... *Прыг!*

И как раз в ту минуту, когда волна медленно выбивала льдину из-под лап Муми-тролля, он прыгал на другую.

— Раз, два, три, раз, два, три, — считала в ритме вальса малышка Мю. — Раз, два, три, погоди. Раз, два, три! Прыг!

Его лапы дрожали, а живот и грудь совсем замерзли. Внезапно пасмурное небо прорезали багряные лучи заходящего солнца, а лед и волны заблестели так, что глазам стало больно. Спина Муми-тролля нагрелась, но живот его мерз все сильнее, и весь этот суровый мир танцевал вместе с ним вальс.

Из окошка купальни за ними внимательно следила Туу-тикки и вот теперь поняла: дело плохо.

«Ай, ай, — подумала она. — Ведь он не знает, что я все время наблюдаю за ним...»

Туу-тикки поспешила на мостки причала и крикнула:

— Браво!

Она чуть было не опоздала.

Муми-троллю не удалось на этот раз перепрыгнуть на новую льдину, и он упал, по уши погрузившись в море, и маленькая веселая льдинка неустанно толкала его в затылок.

Отпустив уши Муми-тролля, малышка Мю прыгнула на берег. Гоп-ля!

Удивительно, до чего легко со всем справляешься, если тебя зовут Мю!

— Держи! — сказала Муми-троллю Туу-тики, протянув ему свою крепкую лапку.

Она лежала животом вниз на стиральной доске Муми-мамы и смотрела в его взволнованные глаза.

— Так, так... — сказала она.

Туу-тики медленно вытащила его на край льдины. Он вскарабкался на берег и сказал:

— Ты даже не вышла посмотреть...

— Я видела тебя в окошко, — огорченно сказала Туу-тики. — А теперь иди в купальню и согрейся.

— Нет, я пойду домой, — ответил Муми-тролль.

Встав на лапы, он ковыляя отправился к дому.

— А подогретый сок?! — закричала ему вслед Туу-тикки. — Не забудь выпить чего-нибудь теплого!

Дорога была мокрой от тающего снега, и Муми-тролль ступал на корни деревьев и хвойные иголки; его трясло от холода, а лапы по-прежнему противно дрожали.

Он едва повернул голову, когда прямо перед ним перебежал дорогу маленький бельчонок.

— Счастливой весны! — рассеянно сказал бельчонок.

— Не очень-то она счастливая! — ответил Муми-тролль и пошел дальше.

Вдруг он резко остановился и уставился на бельчонка. У бельчонка был длинный пушистый хвостик, блестящий в лучах заходящего солнца.

— Это тебя зовут «бельчонок с хорошеньким хвостиком»? — медленно спросил Муми-тролль.

— Ясное дело, меня! — ответил бельчонок.

— Так это ты! — воскликнул Муми-тролль. — Это и вправду ты? Тот, что повстречал Ледяную деву?

— Не помню, — сказал бельчонок. — Ты ведь знаешь, я такой забывчивый.

— Постарайся вспомнить, — умолял бельчонка Муми-тролль. — Разве ты не помнишь хотя бы тот уютный матрасик с клочьями шерсти?

Почесав себя за ушком, бельчонок задумался.

— Я помню много всяких разных матрасиков, — сказал он, — с клочьями

шерсти и без них. Лучше клочьев шерсти я не знаю ничего.

И бельчонок беспечно поскакал дальше, в лес.

«Ну, это надо будет выяснить позднее, — подумал Муми-тролль. — Мне сейчас слишком холодно. Мне надо домой...»

И он чихнул, так как впервые в жизни сильно простудился.

Котел парового отопления в погребе остыл, и в гостиной было очень холодно.

Дрожащими лапами Муми-тролль накладывал на живот и грудь один коврик за другим, но никак не мог согреться. Лапы болели, в горле саднило. Жизнь внезапно стала такой горестной, а мордочка казалась чужой и слишком большой. Муми-тролль попытался свернуть свой холодный как лед хвост, но снова чихнул.

И тогда его мама проснулась.

Она не слыхала залпов канонады во время ледохода, не слыхала она и снежного бурана, завывавшего в изразцовой печи. Ее дом был полон шумных гостей, а будильники звонили всю зиму, так ни разу и не разбудив ее.

Теперь же она открыла глаза и, окончательно проснувшись, посмотрела в потолок.

Потом, усевшись на кровати, она сказала:

— Ну вот, ты и простудился.

— Мама, — стуча зубами, ответил Муми-троль, — если б я только был уверен в том, что это тот самый бельчонок, а не какой-нибудь другой.

Мама тут же направилась в кухню подогреть сок.

— Там грязная посуда, — несчастным голосом закричал Муми-троль.

— Ничего, — сказала мама. — Все уладится.

Она нашла несколько поленьев за помойным ведром. А из своего потайного шкафа вытащила смородиновый сок, какой-то порошок и фланелевый шейный платок.

Когда вода закипела, она смешала порошок — сильное средство от простуды — с сахаром, имбирем и ломтиками высушенного лимона, который лежал за грелкой для кофейников, почти на самой верхней полке.

Но грелки для кофейника теперь уже не было. Не было даже кофейника. Однако Муми-мама этого не заметила. На всякий случай она пробормотала маленький волшебный стишок над лекарством

от простуды. Стишку этому она выучилась у своей бабушки, маминой мамы. Потом она пошла в гостиную и сказала:

— Выпей лекарство, пока оно теплое.

Муми-тролль выпил лекарство, и нежное тепло заструилось в его промерзший живот.

— Мама, — сказал он. — Я должен тебе столько всего объяснить...

— Сначала ты должен выспаться, — прервала его мама, обмотав ему вокруг шеи фланелевый платок.

— Только одно, — сонно сказал он. — *Обещай*, что ты не затопишь печь, там живет наш предок.

— Конечно, не затоплю, — ответила мама.

Внезапно ему стало совсем тепло, и он почувствовал, что спокоен и ни за что больше не должен отвечать. Тихонько вздохнув, он зарылся носом в подушку. И тут же уснул, позабыв обо всем на свете.

Мама сидела на веранде и жгла киноленту увеличительным стеклом. Лента дымилась и горела, а едкий приятный запах щекотал маме нос.

Солнце было жарким, так что от мокрой веранды шел пар, но в тени за крыльцом стоял ледяной холод.

— Вообще-то надо бы просыпаться чуть раньше по весне, — заметила мама.

— Это так правильно! — согласилась с ней Туу-тики. — Он еще спит?

Мама кивнула.

— Ты бы видела, как он прыгал по льдинам! — гордо сказала малышка Мю. — Это он-то, который прохныкал ползимы и приклеивал к стенам глянцевитые картинки.

— Знаю, я их видела, — ответила мама. — Наверное, ему было страшно одиноко.

— А потом он пошел и отыскал какого-то древнего предка, — продолжала малышка Мю.

— Пусть сам расскажет все, когда проснется, — решила Муми-мама. — Вижу, здесь произошло немало событий, пока я спала.

С кинолентой было уже покончено, а кроме того, мама умудрилась выжечь на веранде круглую черную дыру.

— Следующей весной я должна проснуться раньше всех, — повторила мама. — Чтобы немного пожить спокойно и делать все, что захочется.

Когда Муми-тролль наконец проснулся, горло у него больше не болело.

Он увидел, что мама сняла с люстры тюлевый чехол и повесила занавески. Мебель стояла на своих прежних местах, а вместо разбитого стекла был вставлен лист картона. Все хлопья пыли исчезли.

Но хлам, который предок набросал возле печки, лежал нетронутым.

На красочном плакате мама написала:
ТРОГАТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Из кухни доносился успокаивающий
звон посуды, которую мыла мама.

«Рассказать ей о том, кто живет под
кухонным столиком?» — подумал Муми-
троль. — А может, не надо...» Он раз-
думывал, надо ли ему еще немножко при-
творяться больным, — пусть за ним по-
ухаживают. Но потом решил, что будет
еще интереснее позаботиться о маме, раз-
влечь ее. Тогда он вышел на кухню и
сказал:

— Пойдем, я покажу тебе снег.

Мама тотчас же бросила мыть посуду, и они вышли на солнце.

— Снега осталось не так уж много, — объяснил Муми-тролль. — Но ты бы видела, сколько его зимой! Весь дом был завален сугробами! Можно было провалиться до самого носа. Понимаешь, снежинки падают с неба, словно маленькие-премаленькие холодные звездочки, а наверху, в черном небе, висят голубые и зеленые занавески, которые так и колышутся.

— Как красиво! — сказала мама.

— Да, а потом можно еще кататься по снегу, — продолжал Муми-тролль. — Это называется *кататься на лыжах*. Съезжаешь прямо вниз, как молния, в огромном облаке снега, и, если быть невнимательным, можно даже разбиться насмерть!

— Что ты говоришь?! — удивилась мама. — И для этого-то пользуются подносами?

— Нет, на них лучше кататься по льду, — обиженно пробормотал глубоко задетый Муми-тролль.

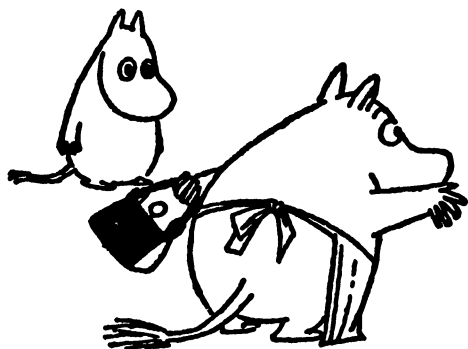
— Подумать только, подумать только, — сказала мама, щурясь от солнца. — Жизнь все-таки по-настоящему

волшебная. Думаешь, что серебряный поднос годится только для одного дела, а оказывается, для чего-то другого он еще удобнее. И все мне твердили: «Незачем варить столько варенья», а оказалось, что оно все съедено.

Муми-тролль покраснел.

— Мю рассказала тебе? — начал он.

— Конечно, — сказала мама. — Спасибо! Хорошо, что ты позаботился о гостях, так что мне не пришлось краснеть за себя. И знаешь, дом стал теперь гораздо просторнее без всяких этих ковров и безделушек. Кроме того, не придется так часто убирать.

Взяв немного снега, мама слепила снежок. Она бросила его, как обычно это делают мамы, довольно неуклюже,

и он — бац! — плюхнулся неподалеку от них.

— Вот так так! — рассмеялась мама. — Юнк и то сделал бы лучше.

— Мама, я ужасно тебя люблю, — признался Муми-тролль.

Они медленно двинулись дальше по склону к мосту, но в почтовом ящике было пусто, письма еще не пришли. Длинные вечерние тени ложились на долину, и повсюду царили мир и удивительная тишина.

Мама села на перила моста и сказала:
— А теперь, наконец, я хочу чуточку
больше услышать о нашем предке.

На другой день все семейство разом
проснулось. И проснулось точно так же,
как просыпалось всегда с наступлением
весны — от громких и веселых звуков
шарманки.

Туу-тики в своей вывернутой наиз-
нанку небесно-голубой шапочке стояла
под весенней каплей и вертела ручку
шарманки, а небо было таким же голу-
бым, как ее шапочка. И солнце отсве-
чивало в серебряной оковке шарманки.

Рядом с Туу-тики сидела малышка
Мю — ужасно гордая, но к гордости
ее примешивалась и доля смущения, по-
тому что она собственными лапками пы-
талась заштопать грелку кофейника и на-
чистила серебряный поднос песком. Ни
грелка, ни поднос несколько лучше от
этого не стали, но, быть может, добрые
намерения важнее результата.

Далеко-далеко на холме брела сонная
Мюмла, тащившая за собой ковер из гос-
тиной, на котором она проспала всю зиму.

Сегодня весна решила быть не столько поэтичной, сколько шумной и веселой. Она выпустила в небо стайку беспорядочных редких облачков, она смела последний снег с крыш, она разрисовала повсюду холмы — словом, весна вовсю играла в апрель.

— Я проснулась! — полная радостного ожидания, воскликнула фрёкен Снорк.

Дружески потеревшись мордочкой о ее носик, Муми-троль сказал:

— Счастливой весны!

А сам тут же задумался: сможет ли он когда-нибудь рассказать ей про свою зиму так, чтобы она все поняла.

Он увидел, как фрёкен Снорк побежала к шкафу, чтобы вытащить оттуда зеленую весеннюю шляпу.

Он увидел, как его папа, взяв анеометр и лопату, выходит на веранду.

Туу-тики без устали играла на шарманке, а солнечные лучи струились в долину, словно силы природы просили прощения за то, что еще совсем недавно были так недружелюбны к своим созданиям.

«Сегодня должен прийти Снусмумрик, — подумал Муми-тролль. — Сегодня очень подходящий день для возвращения».

Стоя тихонько на веранде, он видел, как суетится на холме все его семейство, окончательно проснувшееся и, как всегда, радостное.

Он поймал взгляд Туу-тикки. Доиграв вальс до конца, она засмеялась и сказала:

— Ну, теперь купальня свободна!

— Я думаю, что единственно, кто и дальше может жить в купальне, это сама Туу-тикки, — сказала Муми-мама. — Да и, кроме того, иметь купальню — буржуазный предрассудок. А плавки и купальники можно с таким же успехом надевать прямо на пляже.

— Большое спасибо, — сказала Туу-тикки. — Я подумаю.

И, продолжая играть на шарманке, она отправилась дальше в долину, чтобы разбудить всех спящих малышей.

А фрёкен Снорк меж тем нашла первый росток крокуса. Он пробился на волю из теплого клочка земли под окном на южной стороне и еще не зазеленел.

— На ночь мы прикроем его стаканом, — сказала фрёкен Снорк, — чтобы он не погиб, когда станет холодно.

— Не надо, — рассердился Мумитроль. — Пусть справляется собственными силами. Я думаю, он выраст-

тет крепче, если ему придется трудно-
вато!

Внезапно Муми-троллю стало так радостно, что ему захотелось остаться одному, и он медленно поплелся к дровяному сараю.

И когда никто уже не мог его видеть, Муми-тролль пустился бежать. Он бежал по тающему снегу, а солнце жгло ему спину. Он бежал потому, что был счастлив и вообще ни о чем не думал.

Он добежал до самого берега, забрался на причал и промчался через пустую купальню, где гулял ветер.

Потом он уселся на крутую лесенку купальни, к которой подкатывали волны весеннего моря.

Сюда уже едва доносились звуки шарманки, игравшей далеко-далеко в долине.

Муми-тролль закрыл глаза и попытался вспомнить, как это было, когда море, покрытое льдом, сливалось с темным небом.

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы
из автобиографической
повести

Как прекрасно было смотреть на Анну.

Волосы Анны росли, как жесткая, но сочная трава, они торчали, словно обрубленные, во все стороны, и в них было столько жизни, что просто искры летели. Ее брови были такие же черные и густые, как и волосы, и сросшиеся на переносице, нос — плоский, а щеки — очень румяные.

Когда она мыла посуду, ее руки подходили на столбы, опущенные в воду. Она была красива.

Когда Анна моет посуду, она поет, а я сижу под кухонным столом и пытаюсь выучить слова ее песни. Я дошла до тринадцатой строфы песни об Яльмаре и Хульде, а собственно говоря, только там и начинает что-то происходить.

«И тогда входит Яльмар в ратных доспехах, и арфы поспешно смолкают,

взбешенный идет он к вероломной невесте и невестин венец со светло-каштановых ее волос сильной рукою срывает; бледная, словно на смертном одре, смотрит Хульда со страхом безумным в трепещущей груди на дрожащую от жажды мести руку возлюбленного...»

Тут начинаешь содрогаться от страха, и это так прекрасно. Точь-в-точь как когда Анна говорит: «Выйдите ненадолго, потому что сейчас я заплачу», — это так прекрасно!

Возлюбленные Анны тоже часто являлись в ратном облачении. Больше всего мне нравился драгун в красных штанах и с шитьем на мундире, драгун был такой красивый. Он всегда отставлял свою саблю в сторону. Иногда она падала на пол, и я слышала бряцанье даже наверху, на моих антресолях, и думала о его длинной, дрожащей, отмщяющей руке. Затем он исчез, а у Анны появился новый возлюбленный, который был Человеком Мыслящим. Поэтому он ходил на лекции и слушал про Платона и презирал папу, читавшего газеты, и маму, читавшую романы.

Я объяснила Анне, что мама не успевает читать другие книги, кроме тех, к которым она рисует обложки. Ведь ей надо знать, о чем говорится в этой книге и как выглядит героиня. Некоторые художники рисуют так, как они чувствуют, и плюют на писателя. Этого делать нельзя. Иллюстратор должен думать и о писателе, и о читателе, а иногда даже об издательстве.

— Ха-ха! — воскликнула Анна. — Поганое издательство, раз оно не издает Платона. А вообще-то хозяйке все, что она рисует, достается бесплатно, а в последней книжке волосы у героини не были на хозяйкином рисунке золотистыми, как должны были быть на самом деле.

— Краски дорогие! — рассердилась я. — И вообще, некоторые книги идут только на пятьдесят процентов с цветными рисунками!

Анне совершенно невозможно было объяснить, что издательству не нравится многоцветная печать и что редакторы только и делают, что болтают чепуху о двухцветной печати, хотя и знают: один цвет во всех случаях должен быть черным,

и все равно можно нарисовать волосы так, что они будут казаться золотистыми.

— Вот как! — фыркнула Анна. — А позвольте спросить, какое это имеет отношение к Платону?

Тут я забыла все, что хотела сказать с самого начала. Анна всегда сваливала все в одну кучу и всегда оказывалась права.

Но иногда я мучила ее. Я заставляла ее без конца рассказывать о своем детстве, пока она не начинала плакать, а я, встав у окна, только раскачивалась с пятки на носок и с носка на пятку и смотрела во двор. Или, не переставая, строго спрашивала, почему у нее опухшее лицо ей и швыряла совок с мусором через всю кухню. Я мучила Анну тем, что бывала любезна с ее возлюбленным и сидела, расспрашивая без конца о том, что их интересовало, и вовсе не собиралась уходить. А еще был один очень хороший способ мучить Анну — это высокомерно-томным голосом сказать: «Госпожа желает к обеду в воскресенье телячье жаркое», и выйти в тот же миг, словно мне с Анной больше говорить не о чем.

Анна долго мстила мне с помощью Платона. А какое-то время был у нее возлюбленный, который представлял собой Глас Народа, и тогда она мстила мне тем, что рассказывала о старушках газетчицах, встававших в четыре часа утра, пока хозяин лежал и прохлаждался в ожидании газеты «Хувудстадсбладет»*. Я сказала, что ни одна старушка, газетчица не работала целую ночь, как папа, когда шла отливка гипсовых скульптур для конкурса, да и мама работала каждую ночь до двух часов, пока Анна лежала и прохлаждалась. Тут Анна сказала, не касаясь подробностей, что в прошлый раз хозяин вообще никакой премии не получил! Тогда я закричала: «Это потому, что жюри было несправедливое!» А она закричала, что так легко говорить, а я — что она ничего не понимает, она не художница, а она — что можно задирать нос, когда другой человек не брал даже уроков рисования... А после этого мы несколько часов не разговаривали.

* «Столичный Листок» (швед.).

Когда же мы вдоволь наплакались, я снова вышла в кухню, и тогда Анна повесила одеяло над кухонным столом. Это означало, что мне разрешено строить под ним дом, если я не буду путаться под ногами на кухне или у дверей кладовой. Я строила дом с помощью стульев, табуреток и обрубков поленьев. Собственно говоря, я делала это в знак вежливости, потому что гораздо лучший дом получился бы под большим вращающимся шкивом, на котором делаются скульптуры.

Когда дом был готов, она дала мне немного фарфоровой посуды. Ее я тоже приняла только из вежливости. Я не люблю делать вид, будто готовлю еду. Я ненавижу еду.

Однажды на рынке не оказалось черемухи к первому июня. А маме в ее день рождения черемуха необходима, иначе она умрет. Это предсказала цыганка, когда маме было пятнадцать лет, и с тех пор все ужасно мучились с этой черемухой. Иногда она распускается слишком рано, а иногда слишком поздно. Если ее сорвать в середине мая, края листьев станут

бурыми, а цветы так никогда и не распустятся.

Но Анна сказала:

— Я знаю, что в парке есть белая черемуха. Мы пойдем и нарвем ее, когда стемнеет.

Стемнело ужасно поздно, но мне все равно пришлось идти с ней, и мы ни слова не сказали о том, что собирались сделать. Анна взяла меня за руку, ее руки всегда были теплыми и влажными, а когда она двигалась, вокруг нее распространялся какой-то жаркий и немного пугающий запах. Мы пошли вниз по Лотсгатан, потом перешли в парк, и я совершенно онемела от ужаса и думала лишь о стороже в парке, о городском управлении и о Боге.

— Папа никогда бы этого не сделал, — сказала я.

— Нет, потому что хозяин так буржуазен, — ответила Анна. — Берут то, что нужно, вот так-то.

Мы перелезли через забор раньше, чем до меня дошло то неслыханное, что она сказала, — будто папа буржуазен.

Анна поползла прямо к белому кусту посреди лужайки и стала рвать черемуху.

— Ты рвешь неправильно! — зашипела на нее я. — Рви правильно!

Анна, очень прямая, стояла в траве, широко расставив ноги, и смотрела на меня. Она засмеялась всем своим широким ртом так, что стали видны ее белые зубы все до единого. И снова взяв меня за руку, она присела на корточки, и мы пробрались под кустами и стали тихонько красться. Мы подкрались к другому белому кусту. Анна все время смотрела через плечо и иногда останавливалась за каким-либо деревом.

— Этот куст лучше? — спросила она.

Я кивнула и пожала ее руку. Она начала рвать цветы. Она протягивала свои громадные ручищи так, что платье обтягивало всю ее фигуру, и смеялась, и ломала ветки, и цветы дождем сыпались на ее лицо, а я шептала: «Кончай, кончай, хватит!» — и была вне себя от страха и восхищения.

— Уж если красть, так красть, — спокойно сказала она.

В ее руках была огромная охапка черемухи, она ложилась на ее шею и пле-

чи, и Анна крепко держала цветы своей большой красной рукой. Мы снова перелезли через забор и пошли домой, и никто — ни сторож из парка, ни полицейский — так и не появился.

Потом она сказала, что мы обобрали весь куст, который был вовсе не черемухой. Он был просто белым. Но все обошлось, мама не умерла.

Иногда Анна становилась просто бешеной и кричала:

— Не могу тебя видеть! Уходи!

Тогда я выходила во двор, садилась на помойный бак и жгла полоски киноплёнки с помощью увеличительного стекла.

Я обожаю запахи. Запахи горячей киноплёнки, и жары, и Анны, и ящика с глиной, и маминых волос, и пирушки. У меня у самой ещё никакого запаха нет, так я думаю.

Летом Анна пахла иначе, тогда она пахла травой и ещё чем-то более теплым. Она чаще смеялась, и ее большие руки и ноги были ещё заметнее.

Анна замечательно умела грести. Один-единственный взмах весла, и она

уже ликующе отдыхает на веслах, а лодка скользит вперед по проливу так, что вечерняя вода просто закипает. Потом еще один взмах весла — и снова вода закипает, демонстрируя, как сильна Анна. Затем, громко хохоча, окунает она одно весло в воду так, что поворачивает лодку, желая показать, что у нее нет желания плыть куда-то и что она просто резвится.

В конце концов Анна пускала лодку по воле волн, лодка дрейфовала, а она ложилась на дно и пела. И тогда и в Вике, и на Рёдхольмене все слышали, как она поет на закате, и знали, что там, в лодке, лежит Анна, большая, и веселая, и теплая, и плюет на все. Этого ей только и хотелось.

Она переходила на другую сторону холма и медленно покачивалась всем телом, а иногда срывала цветок. Анна пела и когда пекла. Она раскатывала тесто, и колотила его, и гладила, и придавала ему форму, и бросала свои булочки в печь так, что они попадали прямо на противень, а потом гремела крышкой духовки, и потягивалась, и кричала: «О-хо-хо! До чего же жарко!»

Я люблю Анну летом и никогда ее в то время не мучаю.

Иногда мы ходим в Алмазную долину. Это берег, где все камни круглые и драгоценные и очень нежного цвета. Они красивее под водой, но если натереть их маргарином, они красивые всегда. Мы ходили туда, когда мама с папой работали в городе, и, набрав довольно много алмазов, мы садились у ручья, который спускается вниз с горы. Он течет только в начале лета и осенью.

И тогда мы устраивали водопады и плотины.

— В ручье есть золото, — говорила Анна. — Посмотри!

Но никакого золота я не видела.

— Надо положить его туда, — сказала Анна. — Золото в бурой воде удивительно. И его становится там еще больше. Все больше, больше и больше золота.

И вот я отправилась домой и взяла все золото, какое у нас было, а вдобавок еще жемчуг, и положила все это в ручей, и там стало в самом деле удивительно красиво.

Анна и я лежали и слушали, как течет ручей, и она запела песню «Невеста Льва». Она влезла в воду и вытащила пальцами ног мамин золотой браслет, затем снова опустила его в воду и засмеялась. А затем сказала:

— Я всегда мечтала о настоящем золоте.

На следующий день все золото исчезло и жемчуг тоже. Мне показалось это очень странным.

— С ручьями никогда ничего не известно, — сказала Анна. — Иногда золота становится больше, а иногда оно уходит прямо в землю. Но оно снова появляется, если никогда об этом не говорить.

И мы пошли домой и стали жарить блины.

Вечером Анна встретилась со своим новым возлюбленным у городских качелей. Он был Человеком Действия и мог вертеть качели кругами, и единственный, кто осмеливался высидеть целых четыре оборота, была Анна.

АЙСБЕРГ

Лето наступило так рано, что его можно было бы назвать почти весной, поэтому оно оказалось настоящим подарком, и ко всему, что бы ты ни делал, можно было относиться иначе. Стояла пасмурная и очень тихая погода.

Мы с нашим багажом выглядели так же, как обычно, и Каллебисин, и лодка Каллебисина тоже, но берега казались совсем голыми, а море — суровым. Когда же мы подплыли к Нюттисхольмену, нас встретил айсберг.

Ослепительно бело-зеленый, он явился, чтобы встретить меня. Раньше я никогда не видела айсбергов.

Теперь все зависело от того, скажут ли что-нибудь взрослые. Если только они скажут хоть одно-единственное слово об айсберге, он уже больше не мой.

Мы подплывали все ближе и ближе. Папа отдыхал на веслах, но Каллебисин, продолжая грести, сказал:

— Раненько он нынче...

И папа, продолжая грести, ответил:

— Да. Он поднялся на поверхность не так давно.

Мама не сказала ни слова.

Но ведь можно не считать, будто они в самом деле говорили об айсберге, и значит, айсберг мой.

Мы проплыли мимо, но я не обернулась, чтобы посмотреть на него — тогда они могли бы сказать что-нибудь еще. Я только думала о нем всю дорогу, пока мы плыли вдоль берега Бакланда. Мой айсберг был похож на сломанную крошу. С одной стороны виднелся овальный грот, очень зеленый и забраный решеткой из льда. Внизу в воде лед был другого, зеленого цвета, который уходил глубоко в бездну и становился почти черным там, где начиналась опасность. Я знала, что айсберг последует за мной, и ни капельки не беспокоилась.

Весь день просидела я на берегу, дожидаясь его в заливе. Настал вечер, но

айсберг не успел еще появиться. Я ничего никому не сказала, и никто ни о чем меня не спрашивал. Взрослые распаковывали вещи.

Когда я легла спать, поднялся ветер. Я лежала под одеялом и была Ледяной девой* и слышала, как дул ветер. Важно было не заснуть, но я все-таки заснула, а когда проснулась, в домике стояла мертвая тишина. Тогда я поднялась, оделась, взяла папин карманный фонарик и вышла на крыльцо.

Ночь была светлая, но это была моя первая ночь в одиночестве вне дома, и, чтобы не бояться, я все время думала об айсберге. Я не зажгла карманный фонарик. Ландшафт был так же серьезен, как прежде, и похож на иллюстрацию, где в виде исключения правильно набраны серые тона. В море вели бурную жизнь морячки, они пели друг другу брачные песни.

Еще прежде, чем спуститься на прибрежный луг, я увидела айсберг. Он ждал меня и светился так же красиво, но очень

*Героиня датского фольклора, а также одноименных стихотворения и замечательной сказки великого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена (1805—1875).

слабо. Он стоял, опираясь на гору возле мыса, а там было очень глубоко, нас разделяла черная бездна воды и неопределимое точно расстояние. Если подумаешь, что оно чуть меньше, прыгнешь дальше. А если решить, что оно чуть больше, можно представить себе, что будет... такая жалость — но с этим никому не справиться.

Однако я должна решиться... И это ужасно.

Овальный грот с решеткой был обращен к суше, а грот был такой же величины, как я. Он был устроен для маленькой девочки, которая подняла бы вверх ноги и обхватила их руками. Карманному фонарику там тоже нашлось бы место.

Я растянулась во всю длину на склоне горы, вытянула руку и отломила одну из ледяных сосулек на решетке. Она была такая холодная, что казалась горячей. Я держалась за решетку из льда обеими руками и чувствовала, как она тает. Айсберг медленно, словно дохнув на меня, шевельнулся — он пытался приблизиться ко мне.

У меня начали мерзнуть руки и живот, и я поднялась на ноги. Грот был точь-в-точь такой же величины, как я, но я не смела

прыгнуть туда. А если не посмеешь сделать это сразу, то не осмелишься никогда.

Я зажгла карманный фонарик и кинула его в грот. Он упал на спинку и осветил весь грот так красиво, как я и ожидала. Айсберг стал словно светящийся аквариум ночью, он стал словно ясли Вифлеема* или самый большой в мире изумруд! Он стал так невыносимо прекрасен, что мне необходимо было немедленно избавиться от него, отправить его в путь, сделать что-то! И вот я, надежно усевшись, уперлась обоими ботинками в айсберг и толкнула его что есть сил. Он не шевельнулся.

— Убирайся! — крикнула я. — Отчаливай!

И тогда мой айсберг очень медленно заскользил, удаляясь от меня, и ветер с суши подхватил и погнал его. Я замерзла, мне стало больно от холода, я видела, как айсберг, взятый в плен ветром, направил свой путь к проливу, ему

*В яслях (кормушке для скота в виде решетки, прикрепленной наклонно к стене) хлева в городке Вифлееме, в шести английских милях к югу от Иерусалима, согласно библейскому преданию, лежал новорожденный младенец Иисус Христос.

предстояло въехать прямо в море с папиным фонариком на борту, а морянки надорвут горло своими песнями, когда увидят, как приближается ярко освещенный свадебный павильон.

Так я спасла свою честь.

На лестнице я обернулась и посмотрела: мой айсберг все время светился внутри, словно зеленый огонь маяка, а батарейки фонарика будут гореть даже до восхода солнца, потому что, когда мы переезжаем на остров, они всегда новые. Может, их хватит еще на одну ночь, может, карманный фонарик будет светиться сам по себе внизу, на дне морском, когда айсберг растает и превратится в воду.

Я легла и натянула на голову одеяло, ожидая, что согреюсь. И я согрелась. Мало-помалу тепло спустилось даже к ногам.

Но все-таки я оказалась трусихой, трусихой, примерно сантиметров на пять. Я чувствовала это в животе. Иногда я думаю, что все сильные чувства начинаются в животе. По крайней мере для меня.

МОРСКИЕ ЗАЛИВЫ

Домик — серый, и небо, и море тоже серые, и луг — серый от росы. Время — четыре часа утра, и я выиграла целых три часа, которые очень важны и на которые рассчитываешь. А может, три с половиной.

Я научилась узнавать время, читать на часах, хотя читать минуты еще не умею.

Я тоже светло-серая, правда изнутри, потому что я в полной нерешительности плыву, как медуза, и ни о чем не думаю, а только чувствую. Если проплыть на лодке сотню миль* по морю и пройти сотню миль по лесу, все равно не найдешь ни одной маленькой девочки. Их там нет, я слышала об этом. Можно ждать тысячу лет, а их все нет и нет. Та, что больше похожа на девочку, — это Фанни, которой семнадцать лет и которая собирает камни, и ракушки, и дохлых животных, и поет,

*Шведская миля равна 10 км.

перед тем как пойдет дождь. Она желто-серая, того же самого цвета, что и холм, и лицо, и руки — все у нее желто-серое и сморщенное, но волосы ее белые, а глаза — бело-голубые и смотрят мимо тебя.

Фанни — единственная, кто не боится лошадей. Она кричит и поворачивается к ним спиной, она делает все, что хочет. Если кто-нибудь просит ее помыть посуду не по-доброму, она уходит в лес остается там много дней и ночей и поет, пока не накличет дождь.

Она никогда не бывает одна.

Есть пять заливов, где никто не живет. Если обойти кругом первый, то придется обойти и остальные. Первый — широкий и битком набит белым песком. Там есть пещера с песчаным дном. Стены ее всегда мокрые, а в потолке трещина. Пещера длиннее, чем я, когда лежу на спине, а сегодня она холодна как лед. В самой глубине пещеры узенькая черная норка.

И вот мой таинственный друг вылезает из этой норки.

Я сказала:

— Какое прекрасное, какое очаровательное утро!

А он ответил:

— Это утро не обычное, потому что я слышу, как бормочут за горизонтом!

Он сидел за моей спиной, и я знала, что шкурка его полиняла и он не хочет, чтобы на него смотрели. И я совершенно равнодушно только и сказала:

— В пятницу тоже бормотали. Ты видел Фанни?

— Перед сумерками она сидела на рябиновом дереве, — ответил он.

Но я знала, что Фанни неохотно лазает на деревья и что он пытается лишь произвести на меня впечатление. Так что я ничего не сказала, пусть остается при своем... Приятно быть в обществе. Когда он заметил, что я не желаю разговаривать, он немножко поиграл мне. В пещере стоял ледяной холод, и я решила уйти, как только он кончит играть. Так что после последней ноты я сказала:

— Это был приятный визит. Но мне кажется, пора, к сожалению, прервать его. Как дела дома?

— Очень хорошо, — ответил он. — Моя жена родила пятерых детишек. Все — девочки.

Поздравив его, я пошла дальше.

Когда солнце встает, вода в первом заливе покоится в тени лесных деревьев, а у самого начала притока скалы — красные. Тростник светится только по вечерам. Ты идешь, идешь и идешь, и вдруг начинает дуть утренний ветер. Другой залив, тот, что весь зарос и буквально набит тростником, шелестит, когда над ним проносится ветер. Ветер шумит, что-то шепчет и медленно, мягко-мягко свистит, и тыходишь прямо в заросли тростника, и тебя осыпают ласками со всех сторон, а ты идешь и идешь и вообще ни о чем не думаешь. Тростник — это джунгли, которые тянутся до самого конца света. Над всей землей ровно ничего нет, кроме шепчущего тростника, и все люди вымерли, а ты — единственная, кто есть на свете, и только все идешь и идешь в зарослях тростника.

Я иду так долго, что становлюсь длинной и тонкой, как травинка, а волосы мои превращаются в мягкую метелку какого-то растения, и в конце концов я пускаю корни и начинаю шуршать, и шелестеть, и шуметь, как все мои сестры-тростинки, и время никогда не кончается.

Но в глубине залива засел громадный
лоцман, и он говорит:

— Хо-хо! Хо-хо! Думаю, дует западный ветер.

У лоцмана рыжие усы Чельгрена и голубые глаза Шёблума*, на нем лоцманская форма, и наконец-то он замечает меня.

Задрожав от радости, я отвечаю:

— Я бы сказала, девять beaufort**, если не больше. Нельзя ли выпить стаканчик?

— Ну да ладно, раз уж приходится растрачивать здесь свою водку, — отвечает он и протягивает мне свой стакан.

Я наливаю водки и пять раз выпиваю по стакану.

— Ну а что ты думаешь о сиге зобатом? — продолжает он.

— Он поднимется наверх, — говорю я. — Если этот ветер удержится...

Он задумчиво и оценивающе кивает.

— Да-да, — говорит он. — Да-да. Это, вероятно, так и будет.

* Друзья отца писательницы.

** Буквально: морей Бофорта Северного Ледовитого Океана у берегов Северной Америки (англ.). Здесь: баллов.

Мы выпиваем шесть литров самогона и два ведра кофе, что пьют в день летнего солнцестояния, после чего я говорю:

— Думаю, худо нынче проводить суда среди шхер.

— Может быть, может быть, — отвечает он.

А потом я уже не могу его дольше задерживать.

Печально, когда видения становятся туманными, расплывчатыми и исчезают. Говорят все обо всем правильно, но все равно исчезают. Продолжать говорить тогда не стоит, потому что это становится просто смешно и чувствуешь себя одинокой.

Но вот появляется третий залив.

Именно там мы с папой и нашли наши первые бидоны. Это был великий день, который никто из нас не забудет до самого конца своей жизни.

Папа сразу увидел, что это такое. Он весь одеревенел, и у него вытянулась шея. Он влез на камни и начал вытаскивать мешок. Мешок был старый и прогнивший, но внутри звенели бидоны, и папа спросил:

— Слышишь? Слышишь этот звук?!

Мы нашли четыре бидона с десятью девяносто шестьюдесятыми литра в каждом. О папа, папа!

И как раз тогда и прибежало семейство Хэрбергов и столпилось возле мыса. Мы распластались за камнями, совсем близко друг к другу. Я держала папу за руку. Хэрберги тащили каждый свой перемет и ровно ничего не замечали. Папа и я стояли на страже до тех пор, пока опасность не миновала, и тогда мы спрятали все бидоны в тростнике.

Я всегда сижу тихо-тихо в третьем заливе, чтобы почтить там нашу встречу с папой и нашу великую тайну.

Солнце поднялось выше и приняло обычный вид. Становится все труднее найти какое-нибудь общество, люди бывают здесь лишь ранними утрами и в сумерках. Но это все равно. Вместо общения я могу дремать и вспоминать о том, что было.

Я вспоминаю, как мы с папой шли по лесу со штормовым фонарем в руках, чтобы забрать домой корзины с грибами.

Днем вся наша семья собирала грибы. Папа повел нас к настоящим провалам, к своим грибным местам, где росли целые

колонии грибов. Сам он их не собирал, он только зажег трубку и сделал жест рукой, означавший: «Пожалуйста, все мое семейство, вот вам еда».

Мы собирали и собирали грибы без конца. И не как попало. Грибы были важны для нас, важны почти так же, как рыба. Они означали сотню завтраков в течение всей зимы. Под каждым грибом — таинственные грибницы — мицелии, и грибное место надо сохранять во веки вечные и для грядущих поколений, и это наш гражданский долг — добывать еду для своей семьи летом и уделять внимание природе.

Ночью бывает иначе. Мы с папой несем домой те корзины, которые не смогли унести днем. Тогда должно быть темно. Нам не нужно экономить керосин, мы просто швыряемся деньгами. И папа всегда находит дорогу. Иногда дует ветер и деревья скрипят друг на друга, издавая ужасающие звуки. Папа находит дорогу. Корзины с грибами стоят там, где их оставили, и он говорит:

— Черт побери! Смотри, там они и стоят!

Самые красивые грибы лежат сверху. Папа подбирает их по цвету и форме, потому что грибы — это его букеты. Такие же букеты он составляет из рыбы.

Однажды папа поставил свою корзину с грибами на вершине холма и пошел за своим семейством. А корова Роза тем временем все съела. Она знала, что на папу можно положиться и что ни одного ядовитого гриба в его корзине нет.

Теперь ветер дует все время. Четвертый залив — далеко-далеко. Я иду через лес, нарисованный Йоном Бауэром*. Он умел рисовать лес, а с тех пор как художник утонул, никто больше не осмеливался его рисовать. А тех, кто осмеливается, мы с мамой презираем.

Чтобы лес стал на рисунке достаточно большим, нельзя рисовать верхушки деревьев без всякого неба. Надо рисовать одни лишь прямые, очень толстые стволы, которые поднимаются ввысь. Земля — это мягкие холмы, что уходят все

* Знаменитый шведский художник, иллюстратор (1882—1918), создавший особый таинственный и прекрасный мир литературных сказок Швеции на рубеже XIX и XX веков.

дальше и дальше и становятся все меньше и меньше, пока лес не покажется бесконечным. Камни тоже есть, но их не видят. Тысячу лет зарастали они мхом, и никто не потревожил его.

Если ступишь ногой в мох один раз, то образуется глубокая дыра, которая не исчезает целую неделю. Если ступишь туда еще раз, то твоя дыра останется навечно. Если в третий раз ступишь в мох, это смерть.

В правильно нарисованном лесу все примерно одного и того же цвета — мох, стволы деревьев и ветки елей, все — нечто мягкое и серьезное, а иногда в лесной чаще мелькает посредине что-то серое, и бурое, и зеленое, но зелени очень мало. Если хочешь, сажаешь, например, в лес принцессу. Она всегда белая и очень маленькая, и у нее длинные золотистые волосы. Ее помещаешь в самом сердце лесной чащи или в золотистом сечении. Когда Йон Бауэр умер, принцессы стали современными и любого цвета, какого только захочешь. Они были просто обыкновенными, пышно разодетыми девочками.

Это — четвертый залив, большой Мертвый залив, который переплывал по-

росенок. Поросенок был громадный и пахнул ужасно. Иногда я думаю, что он был жуткого иссиня-красного цвета и что глаза его шевелились, пока он не разбился о камни, но я в этом не уверена и не смею даже думать об этом.

В большом Мертвом заливе никого не встретишь и никого не припомнишь. Это место ужасных картин, что приходят с моря.

Сперва появляются птицы. Их видишь на горизонте, словно скопление темных облаков. Оно все поднимается и растет.

Это большие серые птицы длиной в десять метров, и летят они жутко медленно. Крылья их похожи на рваные пальмовые листья, они взъерошены и растрепаны ветром; тысяча громадных птиц парит в небесах, отбрасывая тень на землю. Ни одна из них не издает ни звука.

Если бы вдруг настало такое утро, когда солнце бы не взошло! Если бы случилось так, что мы проснулись, как обычно, а папа посмотрел бы на часы и сказал: «Опять идут неправильно. Часы, черт побери, остановились!» Мы попытались бы заснуть, но не тут-то было.

Папа попробовал бы включить радио, но оно только выло бы. Тогда мы вышли бы посмотреть, не случилось ли чего-нибудь с антенной. Но она была совершенно обычная. Другая антенна по-прежнему висела на березе. Было восемь утра, но стояла жуткая темень. Поскольку мы совсем проснулись, мы, конечно, выпили кофе. Фанни сидела на заборе и пела великую Песнь Дождя.

Вот уже девять, и десять, и одиннадцать, и двенадцать часов, но солнце не всходит, стоит сплошная темнота. Тогда папа говорит, что теперь что-то не то, и идет к Каллебисину немного поболтать. Каллебисин набросил сеть на палочку и сказал, что, верно, дело идет к перемене погоды. Такого еще на людской памяти и не припомнишь.

Стояла такая же тишина, как во время затемнения. И было холодно. Мама занесла дрова и зажгла плиту. Настало два часа, и три, и четыре. Было семьдесят пять минут седьмого. И тогда мама сказала: «У нас есть два пакета свечей и три литра керосина. Но что будет с нами дальше, я не знаю».

И вот именно тогда-то и началось бормотание за горизонтом.

Хорошенькая была история. А вот еще одна.

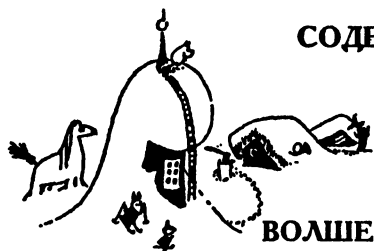
Однажды вечером, как раз перед самыми сумерками, мы услышали слабый звук, словно кто-то полоскал горло. Когда мы вышли из дома, то увидели, что море вжалось, сползло на пять метров вниз в самого себя, а все берега — зеленые и илистые. Лодки задохнулись в своих причальных канатах. Окуни, как сумасшедшие, прыгали в болоте. Все пустые бутылки и консервные банки стыдливо выползли из моря. Море продолжало опускаться. Что-то пузырилось у небольшого Каменного островка, когда море соскользнуло в тресковую заводь. Море сползло все дальше и дальше вниз, туда, где лежат сотни старых скелетов и дохлых поросят и вещей, которые не принято называть.

Неназываемые вещи. Хуже быть не может. Мне внезапно все опротивело.

Можно прыгать с одного камня на другой. То есть надо скакать очень быстро и только на одну-единственную секунду касаться каждого камня. Никогда

не ступать ни на берег, ни в тростник, только на камни, и все быстрее и быстрее. В конце концов ты превращаешься в ветер, ты — ветер, и в ушах людей свистит, и все вычеркнуто и ушло, один лишь ветер, а ты все прыгаешь, и прыгаешь, и прыгаешь. Я всегда прыгаю правильно, я уверена и сильна, а теперь я приближаюсь, подпрыгивая, к последнему морскому заливу, который мал и красив и который — мой собственный. Здесь есть дерево, на которое можно взбираться, дерево с ветвями до самой верхушки. Ветви похожи на лестницу Якова, а на верхушке сосна сильно раскачивается, потому что теперь дует с юго-запада. Солнце успело взойти до утреннего кофе.

Если даже тысяча маленьких девочек пройдут под этим деревом, ни одна из них не сможет даже заподозрить, что я сижу наверху. Шишки — зеленые и очень твердые. Мои ноги — загорелые. И ветер раздувает мои волосы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНАЯ ЗИМА

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Дом, занесенный снегом

9

ВТОРАЯ ГЛАВА

Заколдованная купальня

21

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Лютая стужа

42

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Таинственные существа

72

ПЯТАЯ ГЛАВА

Одинокие гости

102

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Первая весна

154

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы из автобиографической повести

АННА

191

АЙСБЕРГ

203

МОРСКИЕ ЗАЛИВЫ

209

Литературно-художественное издание

Тове Янссон

ВОЛШЕБНАЯ ЗИМА

*

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы из автобиографической
повести

Ответственная за выпуск *Наталья Соколовская*

Редактор *Людмила Лебедева*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Технический редактор *Татьяна Тихомирова*

Корректоры *Елена Байер, Анна Быстрова*

Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать 20.09.98.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Гарнитура Академическая.

Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 11,76. Изд. № 636. Заказ № 44.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

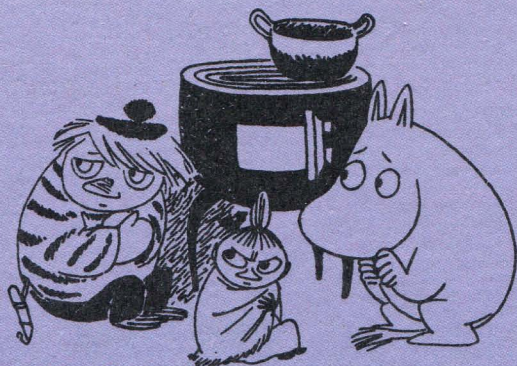
Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»

Государственного комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

Всё о муми-троллях

Маленькие тролли
и большое наводнение

Комета прилетает

Шляпа Волшебника

Менюары мамы Муми-тролля

Опасное лето

Волшебная зима

Дитя-невзникка

Папа и море

В конце ноября

ТУВЕ
ЯНССОН
ВОЛШЕБНАЯ
ЗИМА

ISBN 5-7684-0636-0

9 785768 406363